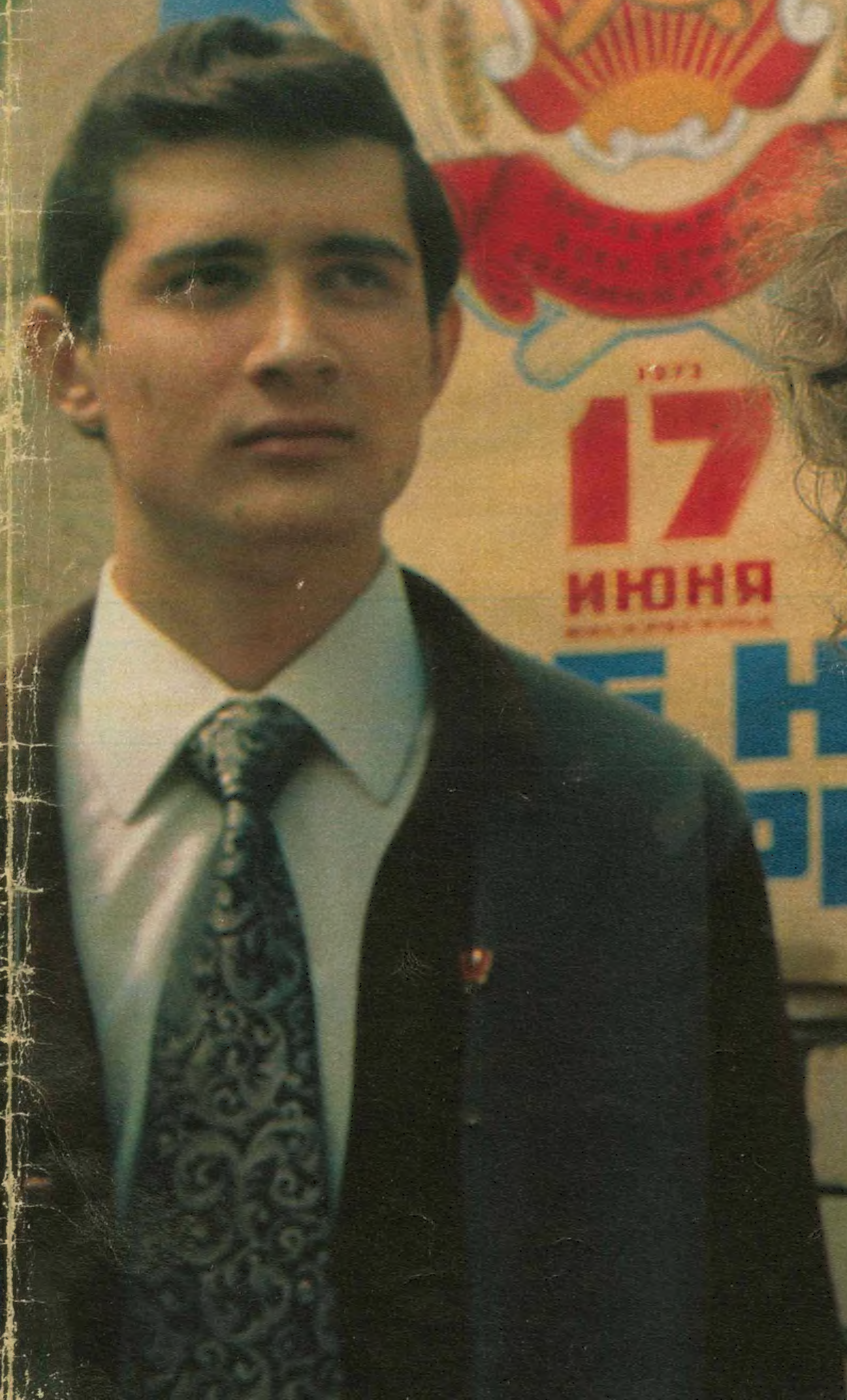

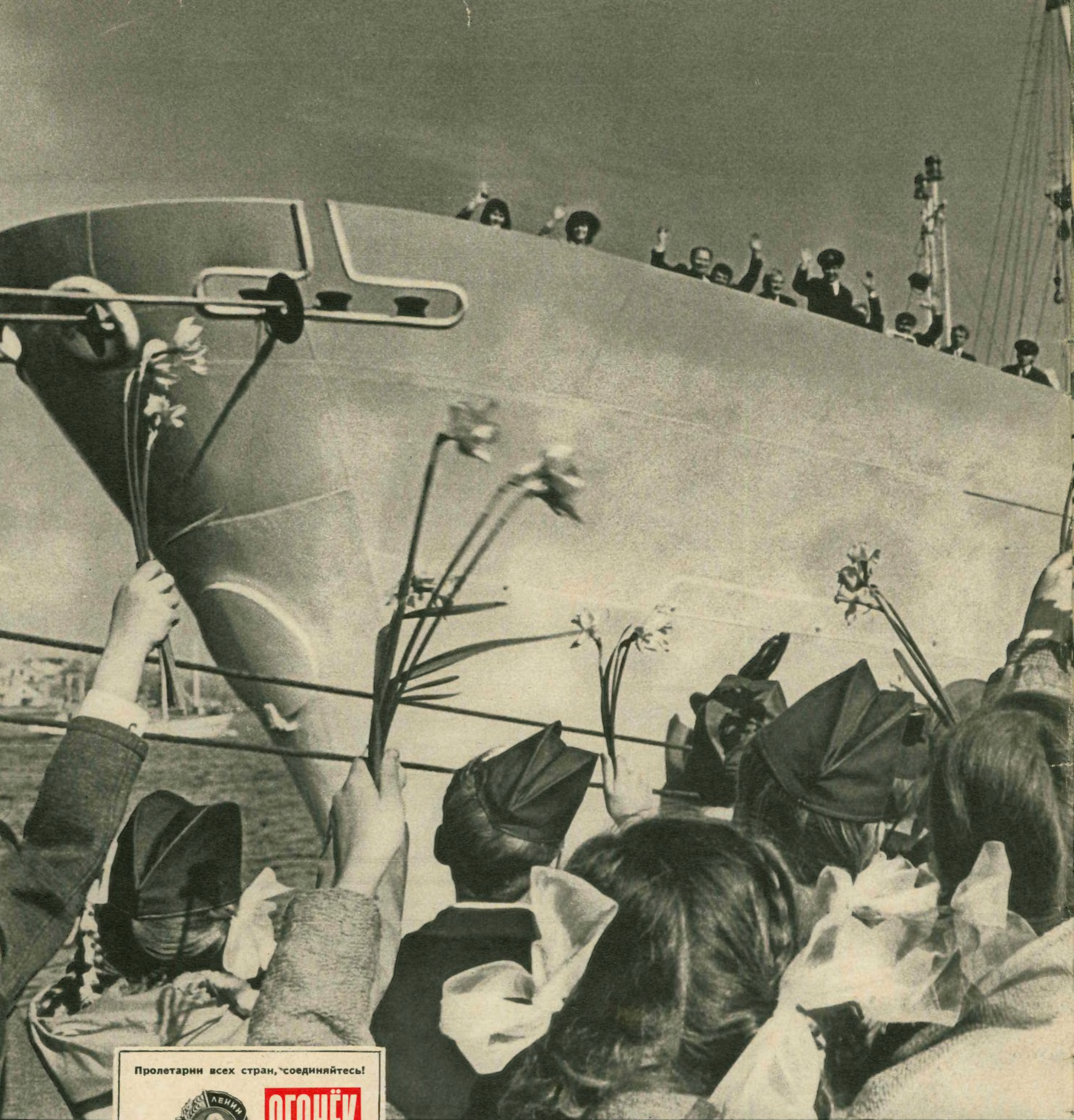

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 25 ИЮНЬ 1973

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 25 (2398)

16 июня 1973

© «Огонек», 1973.

«Зенту Озолу» встречают ученики рижской средней школы № 5 имени Зенты Озолы.

ЗЕНТА ВЕ

Мать героини — Берта Карловна Озола.

РНУЛАСЬ...

З. ХИРЕН

Фото М. САВИНА.

Смотри стр. 9—10.

Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал открывает XXVII сессию СЭВ.

С 5 по 8 июня 1973 года в Праге работала XXVII сессия Совета Экономической Взаимопомощи.

Участники сессии — делегации стран — членов СЭВ, возглавляемые членом Политбюро ЦК БКП, Председателем Совета Министров НРБ тов. С. Тодоровым, членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров ВНР тов. Е. Фоком, членом Политбюро ЦК СЕПГ, первым заместителем Председателя Совета Министров ГДР тов. Х. Зиндерманом, заместителем премьер-министра Революционного правительства Республики Куба тов. К. Р. Родригесом, Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР тов. Ю. Цеденбалом, членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР тов. П. Ярошевичем, членом Исполнительного комитета и Постоянного Президиума ЦК РКП, Председателем Совета Министров СРР тов. И. Г. Маурером, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгиным, членом Президиума ЦК КПЧ, Председателем правительства ЧССР тов. Л. Штроугалом.

В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством СФРЮ в заседании приняла участие делегация СФРЮ, возглавляемая заместителем Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ тов. А. Вратушей.

В работе сессии принял также участие секретарь Совета Экономической Взаимопомощи тов. Н. В. Фаддеев.

На сессии присутствовали представители ряда международных организаций стран — членов СЭВ.

XXVII СЕССИЯ СЭВ

Советская делегация во время заседания.

Телефото ЧТК — ТАСС.

В качестве наблюдателей присутствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол ДРВ в ЧССР тов. Зыонг Дык Ха и Чрезвычайный и Полномочный Посол КНДР в ЧССР тов. Ли Вон Бом.

Председательствовал на сессии глава делегации Чехословацкой Социалистической Республики, Председатель правительства ЧССР тов. Л. Штроугал.

Сессия обсудила вопросы реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Принятая всего два года назад как основа всестороннего сотрудничества программа рассчитана на срок до двух десятилетий. Но уже сегодня сессия СЭВ имела все основания сделать вывод: углубление и совершенствование связей, развитие социалистической экономической интеграции, реализация Комплексной программы стали главным содержанием экономического и научно-технического сотрудничества между странами СЭВ.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи за год, сотрудничество в области планирования и прогнозирования, науки и техники, охраны окружающей среды, энергетики, машиностроения, выпуска товаров широкого потребления, совершенствование валютно-финансовых отношений между странами СЭВ — по всем этим вопросам участники сессии подвели итоги сделанному, определили задачи на будущее. В духе полного взаимопонимания и дружбы выработаны соответствующие постановления, цель которых — выполнение Комплексной программы, укрепление коллективной деятельности государств социалистического содружества.

Выступавшие на заседаниях руководители делегаций братских стран единодушно отмечали, что пражская сессия СЭВ проходила в условиях разрядки международной напряженности. Это является прямым следствием активной мирной политики СССР и его социалистических союзников, настойчивой работы коммунистов по претворению в жизнь Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС.

КОНКУРС
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ИСТОРИЮ СССР

ПАРТИЗАНСКИЙ ПРОПУСК

Мне посчастливилось находиться в составе 1-го Чехословацкого авиаполка, сформированного весной 1944 года на советской земле. Самолеты, на которых чешские и словацкие летчики летали через линию фронта, обслуживались советскими механиками. Мы быстро подружись с чехословацкими войсками, которые рвались на фронт, чтобы скорее начать бить фашистов.

Помню, как приезжал к нам на аэродром посол Чехословакии и выступал перед личным составом.

Когда полк стоял где-то под Тернополем, на наш аэродром однажды сели немецкие самолеты. Мы заняли оборону, хотели вести обстрел. Но, видим, самолеты подружлись и мирно встали против замаскированных наших «Ла-5». Из одной машины вышел полковник, подал экипажам команду «смирно» и доложил нашему командованию, что группа слованов прилетела в распоряжение Советской Армии.

Несколько дней спустя из штаба 2-й воздушной армии пришел приказ — лететь в Чехословакию, чтобы поддержать начавшееся Словацкое восстание.

Базировались у села Три Дуба. Аэродромом служил луг, к которому близко подступали горы, но наши «Ла-5» пользовались этой площадкой успешно. Летчики были счастливы, что сражались на родной земле, воевали они отважно. Я находился в действующей армии до конца войны, а таких восторгов после удачного полета, как у вернувшихся с задания пилотов чехов и слованов, не видел. Запомнился первый вылет звена на штурмовку вражеского аэродрома. Гитлеровцы сначала не догадывались, что у них буквально под носом сели две эскадрильи! Немецкие самолеты не были рассредоточены, чехословацкие летчики здорово их «поутюжили»: три машины расстреляли при рулении на старт, а четвертую сбили на взлете. Этот день для всех однополчан стал настоящим праздником.

Гитлеровцы стремились ликвидировать «остров» освобожденной словацкой земли, так как он перерезал стратегически важные дороги. Полк истребителей не давал бомбить восставших, уничтожал на подходе вражеские самолеты. Трудностей хватало у всех. Мы, механики, готовили машины к полетам. Простое, казалось бы, дело — заправить самолет бензином, но для нас это была проблема. Приходилось наполнять ведра из бочек, затем тащить их 150—250 метров и наливать горючее через воронку, предвзвешивая забравшись на крыло. Бензина требовалось ни много ни мало — литров 400 в каждый самолет, а вылетали они по два-три раза в день.

Осмотреть машину, устранить неисправности, залатать пробоины, снарядить ленты для пушек (на «Ла-5» стояли две пушки) — порой не только поспать, но и поесть не успевали. Сначала нас бомбили только ночью, а когда враги блокировали аэродром в Банска-Бистрице (ведь пополнение мы получали оттуда), стало доставаться и днем.

Да, и людей и машин потеряли немало. Но надо было драться до конца. Когда потерялся бензин и боеприпасы, а гитлеровцы уже прорывались на танках, мы сняли с самолетов пушки и приготовились к встрече с врагом. В это время меня ранило. Пришел приказ вывезти раненых и больных. Дважды мы приезжали на аэродром в Банска-Бистрицу, но вражеские истребители отгоняли наши «дугласы». В третий раз, пробившись через занятую гитлеровцами дорогу, прибыли на аэродром. Глубокой ночью сел всего один самолет, и то лишь потому, что его командир не слышал приказа возвратиться (отказала рация). Всех раненых и больных вывезли во Львов.

Вспоминая те дни, хочу сказать: советских бойцов встречали в Словакии, как родных сыновей. Тогда на нас было страшно смотреть: со сбитыми руками, перевязанные грязными бинтами, с красными от бессонницы глазами. А местные женщины, стараясь хоть как-то нам помочь, мыли самолеты, тащили теплую воду и полотенца из дома. Все это помнится и сейчас.

Посылаю партизанский пропуск, выданный мне в Словакии в 1944 году.

Я. ШАПКИН

г. Коломна.

С МИССИЕЙ МИРА

Сергей ЛОСЕВ

Пройдет еще несколько дней, и в США начнутся переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, членом Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном. Мир с напряженным вниманием и огромным интересом ожидает этой встречи, от исхода которой во многом будут зависеть темпы и масштабы дальнейшего развития советско-американских связей на здоровой основе, заложенной в результате московской встречи в верхах.

Теперь уже отчетливо проступают очертания здания, сооружаемого на фундаменте московской встречи: за прошедший год подписано более десяти советско-американских соглашений по экономическим вопросам и целая серия соглашений в таких сферах, как охрана окружающей среды, космос, культура, медицина. Это сотрудничество принесет благотворные результаты не только СССР и США, но в конечном счете и другим государствам.

Ни у кого, например, не вызывает сомнения, что достижения в борьбе с такими опасными болезнями, как рак или сердечно-сосудистые заболевания, на основе расширения советско-американских контактов в области здравоохранения пойдут на пользу всему человечеству. «Находились скептики, — напоминает газета «Кристен сайенс монитор», — которые считали, что соглашение о сотрудничестве в охране окружающей среды имеет чисто символическое значение. Сейчас им приходится отказаться от своего мнения, ибо это сотрудничество переживает бум и охватило необычайно широкую область: предсказание землетрясений, проблемы городов, загрязнение воздуха и морей, вопросы здравоохранения и права, связанные с мероприятиями по охране окружающей среды».

Кое-кто на Западе в злонамеренных целях пытается противопоставить процесс нормализации советско-американских отношений интересам третьих стран. Известно, однако, что нормализация является лишь одной из составных частей советской Программы мира и, осуществляя ее, СССР неизменно и твердо отстаивает интересы социализма, национально-освободительного движения, дружественных государств, стремится углублять добрые отношения и расширять связи со всеми государствами, которые этого желают.

За 1972 год экспорт США в СССР возрос втрое. Предоставление Советскому Союзу принципа наибольшего благоприятствования, по мнению американских экономистов, позволило бы уже в 1980 году довести советско-американскую торговлю до 5 миллиардов долларов. Тем самым была бы подведена твердая материальная база под советско-американские связи, приобретающие совершенно иной характер. «Среди американских бизнесменов, — подчеркнул руководитель бюро международной торговли министерства торговли США М. Гесслер, — наблюдается просто фантастический интерес к развитию торговли с Советским Союзом». Председатель правления корпорации «ЗМ компани» Гарри Хелтцер указал на необходимость предоставления Советскому Союзу режима наиболее благоприятствуемой нации в торговле и принятия конгрессом правительственного законопроекта о торговой реформе 1973 года. «Наши бизнесмены убеждены, — сказал представитель «Мэриленд нэшнл бэнк», — что в результате визита Л. И. Брежнева в США перспективы для налаживания взаимовыгодного экономического сотрудничества между Соединенными Штатами и СССР станут еще более благоприятными».

Не следует забывать о том, что крайне правое крыло в республиканской партии, военно-промышленный комплекс и сионистское лобби в США не прекращают подрывной работы, направленной против нормализации советско-американских отношений. Как и в канун московской встречи, рыцари «холодной войны» вроде сенатора Джексона искусственно нагнетают обстановку недоверия. Но это попытки с негодными средствами, они противостоят воле американского народа, настроенного, преобладающим как в республиканской, так и в демократической партиях.

Со своей стороны, Советский Союз делает все, чтобы придать необратимый характер тем позитивным переменам, которые произошли в отношениях с Соединенными Штатами. В Совете Безопасности и вне ООН СССР настойчиво добивается ликвидации опасного очага напряженности на Ближнем Востоке, где, как справедливо указывают арабские государства, взрывоопасная ситуация сохраняется прежде всего в силу поддержки Соединенными Штатами экспансионистской политики Тель-Авива. На сложных переговорах в Женеве об ограничении стратегических ядерных вооружений СССР проявляет подлинное стремление установить не только количественное, но и качественное ограничение гонки вооружений на основе неукоснительного соблюдения принципа одинаковой безопасности сторон и недопущения односторонних преимуществ.

Вместе с тем, и это очевидно, что классовая борьба двух систем — капиталистической и социалистической — в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии будет продолжаться. Однако необходимо добиваться того, чтобы такая историческая неизбежная борьба перешла в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений.

Мировая общественность горячо приветствует настойчивые усилия СССР, борющегося за обуздание гонки вооружений, и выражает уверенность, что визит товарища Л. И. Брежнева в США станет новой исторической вехой на пути укрепления всеобщего мира и обеспечения народам прочного будущего.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НА СЕМЬ ЧАСОВ РАНЫШЕ...

НАВСТРЕЧУ КОНГРЕССУ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

Район Советский — окраина Владивостока. Но окраина здесь понятие географическое, и от центра она не отличается. Широкие и людные улицы, многоэтажные дома, промышленные предприятия, магазины, кафе... Словом, типичный городской район сегодняшнего дня. Статус городского района был присвоен ему всего год назад, и сейчас он встречает свою вторую весну, совпавшую для его жителей с первыми выборами в местные Советы — здесь созданы новые для Владивостока избирательные округа. Есть у них своя специфика, о которой говорил нам заместитель председателя райисполкома Геннадий Терентьевич Гордиев.

— Нынешняя избирательная кампания совпадает с порой отпусков. В санатории и дома отдыха — а у нас тут курортная зона — прибывает немало отдыхающих, и голосовать за кандидатов в депутаты местных Советов они будут у нас. И еще одна деталь: многие жители нашего района работают в Дальневосточном пароходстве и рыбной промышленности. День выборов станет их в дальних плаваниях, и голосовать они будут в море. А вот жены и родители моряков придут на избирательные участки нашего молодого района. Впрочем, если не знать даты его рождения, то вы не сразу ощутите его молодость. Как и во всем Владивостоке, самая приметная деталь нашего пейзажа — высокие краны. Возводятся промышленные предприятия, городской рыбный комбинат, учебные заведения (комплекс мореходного училища), академический городок Дальневосточного научного центра. Большинство объектов — пусковые. В нынешнем году район получит более двадцати тысяч квадратных метров жилья, не считая четырех общежитий на две тысячи мест. Население района только за год выросло на девять тысяч человек.

Мы совершили небольшую экскурсию по району. Побывали на фабрике «Заря» — крупнейшей швейной фабрике Дальнего Востока; на мебельной фабрике — ее изделия не уступают знаменитым прибалтийским; в кинотеатре «Нептун» — одном из лучших во Владивостоке. На улице Бородинской — ее длина чуть больше километра — нам с гордостью показывали четыре детских комбината, две школы, а на улице Русской — раскинувшиеся среди зелени корпуса больницы рыбаков. Здесь же единственный на Дальнем Востоке универсам. Но вот уж чем особенно славен новый район города, так это своей прекрасной зоной отдыха. Ежегодно в местные здравницы приезжает более 80 тысяч человек. Заместитель главного врача курорта «Сад-город» Нина Ефимовна Мирошниченко рассказывает:

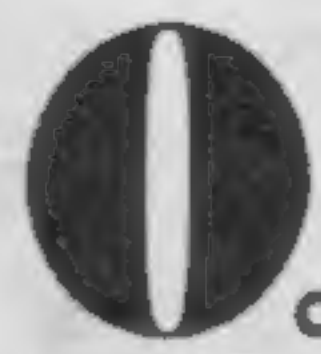
— Наш курорт республиканского значения. В мае мы открыли новый корпус грязелечебницы с механизированными процессами подогрева, подачи и сброса лечебной грязи.

Нас познакомили со старожилом нового района — капитаном-директором рыбо-плавучего завода «Кораблестроитель Клопотов» Михаилом Авксентьевичем Борисовым — это при нем здесь начинали строить первые дома.

— У каждого человека есть свой любимый город, район, улица. Для меня это Владивосток, наш район. Каждый раз, возвращаясь из многомесячного плавания, чувствую особое волнение, будто иду на встречу с родным человеком, которого давно не видел. Вот по этой земле я бегал мальчишкой. Здесь, на пустыре, гонял мяч, работал с родителями на огороде.

Из окна квартиры Борисова виден шестнадцатизатный дом, в котором одна за другой подкатывают украшенные разноцветными лентами и шарами «Волги». Это районный загс. Каждую субботу тут регистрируется десять — пятнадцать пар молодоженов.

...В праздничном убранстве дома и улицы Советского района. Многолюдно сейчас в агитпунктах, на избирательных участках. 17 июня жители самого молодого района Владивостока на семь часов раньше москвичей отдадут свой голос избранным народом!

Осенью прошлого года на сессии президиума Всемирного Совета Мира, проходившей в чилийской столице Сантьяго, было выдвинуто предложение провести в октябре 1973 года Всемирный конгресс миролюбивых сил. Местом созыва конгресса была названа Москва.

На сессии говорилось о том, что сама подготовка к этой важной встрече миролюбивой общественности призвана сплотить силы, борющиеся за мир, разоружение, национальную независимость, вовлечь в антивоенное движение новые слои населения, вызвать к жизни свежие, более действенные формы массовых выступлений за международную безопасность, свободу и равноправие народов.

Призыв Всемирного Совета Мира сразу обрел самую широкую поддержку. Во многих странах возникли комитеты содействия конгрессу, были объявлены кампании по сбору средств для отправки делегатов в Москву.

Корреспонденты издания «Век XX и мир» — органа Советского комитета защиты мира — провели по просьбе «Огонька» беседы с представителями советской и зарубежной общественности. У них разные профессии, разные интересы, разные взгляды на жизнь. Но без труда можно обнаружить в их словах общее стремление к справедливому и прочному миру, к миру, в котором не будет места войне, гонке вооружений, социальному и расовому угнетению.

Сергей ЛОХМАТОВ — бригадир слесарей-сборщиков московского завода «Динамо».

Мы знаем, что в этом году в Москве состоится Всемирный конгресс миролюбивых сил. То, что он будет проходить в нашей столице, мы воспринимаем как поддержку широких кругов международной общественности миролюбивой внешней политике Советского правительства. Мы считаем, что каждый из нас ежедневно участвует в великом деле — борьбе за мир на всей земле. Чем крепче наша страна, чем сильнее она, тем более существенную помощь мы можем оказывать другим народам, борющимся за независимость и мир.

Мирьям ВИРЕ-ТУОМИНЕН, генеральный секретарь организации «Сторонники мира Финляндии».

Предстоящий конгресс будет самым широким в истории движения сторонников мира. Усилия защитников мира крепнут. Значение миролюбивой политики Советского Союза возрастает. Именно поэтому столица СССР — самое лучшее место для конгресса.

Туллио ВЕККЬЕТТИ, член руководства Итальянской компартии.

То обстоятельство, что в 1973 году в Москве состоится Всемирный конгресс миролюбивых сил, имеет огромное значение по двум причинам.

Первая заключается в том, что конгресс пройдет в СССР, стране, которую мы считаем оплотом мира во всем мире, в стране, которая с самого своего основания до наших дней неуклонно борется за мирное сосуществование. Вторая причина, определяющая важность этой встречи, состоит в том, что тенденции к разрядке международной напряженности, несомненно, укрепятся. Правда, этим тенденциям противостоят довольно влиятельные силы войны. Именно поэтому конгресс призван укрепить сплоченность миролюбивой общественности, сделать более эффективными ее выступления в защиту международной безопасности и внести достойный вклад в создание на-

дежной гарантии мирного будущего народов. Карлтон ГУДЛЕТТ, общественный деятель США.

В движение за мир придут новые силы. Московский конгресс поможет избавить человечество от тяжелого бремени гонки вооружений. Подумать только, на вооружение мы ежегодно тратим миллиарды и миллиарды долларов! Из-за этого мы не в состоянии заботиться о реальных потребностях — кормить голодных, воспитывать детей, лечить больных, заниматься защитой окружающей среды. И мы не сможем добиться всего этого, если не вступим в эру мира. В Соединенных Штатах мы организуем национальный подготовительный комитет, задачей которого будет вовлечь в движение за мир широкие слои населения.

Мэри КЛАРК, руководитель американской организации «Женщины, боритесь за мир!».

Мы, американцы, особенно сильно ощущаем приток новых сил к нашему движению. Победа миролюбивых сил, связанная с подписанием мирных соглашений по Вьетнаму, в корне изменила отношение к тем усилиям, которые предпринимают сторонники мира во всем мире. Все больше и больше рядовых американцев сознают, что наши действия будут успешными, если мы будем работать совместно, что прошли времена, когда можно было оставаться сторонним наблюдателем событий.

Сиприан МАНЬЯНДА из Танзании, представитель Всеафриканской федерации профсоюзов.

Рабочий класс африканского континента был и остается в авангарде борьбы против колониализма, являя собой наиболее сознательную часть миролюбивых сил Африки. Всеафриканская федерация профсоюзов намерена провести совместно со Всемирным Советом Мира семинар по вопросам неоколониализма. Итоги этого семинара дадут материал для дискуссии на конгрессе в Москве. Рабочий класс внес большой вклад в борьбу за мир, и его участие во Всемирном конгрессе будет весьма и весьма ощутимым.

Азиз ШЕРИФ, государственный министр Ирака.

Этот конгресс будет иметь огромное значение потому, что он ознаменует новый этап нашей борьбы, соответствующий новой расстановке сил на мировой арене в пользу мира. Но если для международной обстановки характерен перевес сил мира и национального освобождения, это не значит, что силы войны и агрессии отступят сами по себе. Необходима новая мобилизация миролюбивых сил, новая кампания за мир, в которой примут участие люди, ранее не участвовавшие в нашей борьбе.

Торелфер ДАНИЭЛЬСОН, председатель Союза типографских рабочих Исландии, член национального комитета защиты мира.

После того, как США вынуждены были капитулировать во Вьетнаме, в мире сохранилось по-прежнему много проблем, представляющих опасность для мира. Поэтому созыв конгресса в Москве — событие большого значения. Исландцы горячо заинтересованы в сохранении мира в Европе, в частности в северной ее части. Мы хотели бы, чтобы зона Северной Атлантики была превращена в зону, свободную от военной угрозы. Мы заинтересованы также в решении проблемы разоружения в международном масштабе. Мы требуем ликвидации американских баз в Исландии, в Гренландии, повсюду.

1 Кандидат в депутаты райсовета, работница университета Валентина Пахомова.

2 Уйти без покупки отсюда невозможно.

3 М. А. Борисов: «Наш район мне снится в далеком море».

4 Растет Советский район.

Идет конкурс...

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ БАЛЕТА

О. САХАРОВА

Фото Е. УМНОВА.

У этого конкурса счастливая судьба. Начав свое существование всего лишь четыре года назад, Международный конкурс артистов балета в Москве стал значительным явлением в современной культурной жизни. Открывшийся седьмого июня этого года второй конкурс профессиональные деятели хореографии да и все почитатели искусства восприняли уже как привычный, необходимый для дальнейшего развития балета форум. На сцене Большого театра в эти дни решается не только судьба главных наград. Перед компетентным и взыскательным

жюри (председатель — лауреат Ленинской премии, народный артист СССР Ю. Н. Григорович) и перед искушенной, но доброжелательной публикой держит экзамен завтрашний день балета.

Программа конкурса построена так, что участники неминуемо должны раскрыть все грани своего дарования, использовать все технические и актерские ресурсы. И уже первый тур, на котором нужно было исполнить па-де-де (для дуэтов) или две вариации (для выступающих соло) из классических балетов, сразу дал возможность оценить каждого из участников.

Да, классика была и остается краеугольным камнем хореографического искусства, его существования и развития. Именно в доскональном освоении языка классического танца, в стремлении к личному, индивидуальному проникновению в мир его поэтически обобщенных образов — залог успеха. Залог становления настоящего, большого артиста балета.

Нынешний конкурс — еще более представительный по географии, чем первый, — свидетельство все возрастающего интереса к одному из самых благородных видов искусства. Недаром член жюри, народный артист СССР К. М. Сергеев на вопрос, чем, на его взгляд, характерен конкурс, ответил:

— Замечательно то, что классика завоевывает весь мир! Посмотрите: Монголия, Канада, Аргентина, Венесуэла, Греция, Австралия, Франция, Болгария — везде молодежь осваивает классический танец. Всюду рождаются и развиваются свои школы, но основа у них об-

щая — классика. Это сулит большое будущее хореографии...

Первый тур показал совершенно разных по характеру дарования танцовщиков. Не было «похожих» Китри, Жизелей, Францев, хотя участники конкурса не раз выводили на сцену героев бессмертных балетов — «Жизели», «Дон Кихота», «Коппелии»... Именно это многообразие давно знакомых образов дало возможность ярче выявить индивидуальность исполнителей, сумевших остаться не только конкурсантами, но и артистами. Горячими аплодисментами награждал зал исполнителей, сохранивших в небольшом отрывке из балета, в короткой вариации рисунок, душу образа, рассказавших в танце о своем понимании музыки, драматургии характера героя.

Огромный интерес вызвал и второй тур, на котором, кроме классики, исполнялись современные хореографические номера. В программе конкурса специально подчеркивалось, что это должно быть произведение, развивающее высокие реалистические традиции хореографии. И отрадно видеть, что подавляющее большинство исполнителей обратилось к содержательным, проблемным композициям, отдав им предпочтение перед пустыми формотворческими изысками.

Впереди самый ответственный, третий тур. Впереди — последнее слово жюри. Но уже сегодня ясно, что в этом состязании не будет побежденных. Потому что выступать на сцене Большого театра, показать все, что достигнуто годами упорного труда, — это уже победа!

Маргарита Дроздова.

Участники конкурса у Большого театра.

Болгарка Вихра Терзиева.

Перед выходом на сцену.

Поль Мартин. ДЕВУШКА.

Народный художник РСФСР Орест Веренский и директор художественной галереи университета штата Нью-Йорк Майкл Милкович на открытии выставки современной американской графики.

Фото Л. Шерстенникова.

АМЕРИКАНСКАЯ ГРАФИКА В МОСКВЕ

Выставка современной американской графики, открывшаяся в Доме дружбы с народами зарубежных стран, подобрана художественной галереей университета штата Нью-Йорк. Представленные на ней гравюры и литографии выполнены в самой разнообразной технике в подавляющем большинстве художниками послевоенного поколения, которым ныне в среднем около сорока лет. Хотя полсотни работ и два десятка их авторов не могут исчерпать все многообразие нынешних путей искусства Соединенных Штатов, все же по этой выставке можно отчетливо судить о крайней сложности американской художественной жизни и весьма разнородном образном содержании и художественном строе работ американских художников-графиков. В нем еще существуют отголоски художественных течений, ныне уже отходящих в прошлое, как, например, абстрактного искусства или сюрреализма. Но наряду с этим можно видеть и новые искания во всегда существовавшем в искусстве США реалистическом направлении с его любовью к природе и человеку. Ряд новых для нас имен художников такого направления, несомненно, запомнится посетителям этой выставки, хотя бы такие, как Фрэнк Экмайр, Руди Позатти, Джеймс Муллен, Кини Рэндолл, Дэвид Смолл.

Мы рады приветствовать эту выставку в тот период, когда улучшаются отношения между нашими странами. Сотрудничество СССР и США в сфере науки и искусства отвечает жизненным интересам двух стран, способствует ук-

реплению дружеских чувств между советским и американским народами.

Доктор искусствоведения, член правления Института советско-американских отношений.

А. ЧЕГОДАЕВ

* * *

— Сейчас особенно благоприятный момент для открытия нашей выставки в Москве, — сказал в беседе с корреспондентом «Огонька» директор галереи университета штата Нью-Йорк господин Майкл Милкович. — В эти дни наши страны, как никогда, много делают для того, чтобы приблизиться друг к другу, развить и расширить дружеские контакты, связи. И мне кажется, что именно искусство способно внести особенно заметный вклад в решение этой исторической задачи. Не так давно у нас в Штатах с огромным успехом мы принимали выставку советской графики. Ее посетили самые широкие круги американцев. Теперь советские люди знакомятся с искусством американских графиков. Я каждый день прихожу на выставку и воочию убеждаюсь, с каким интересом и пониманием встречают искусство художников моей страны советские зрители. И я рад сообщить читателям «Огонька», что каждый из художников, чьи произведения представлены на выставке, был счастлив принять в ней участие, показать свое искусство взыскательным и доброжелательным советским зрителям. В знак признательности и уважения к народу Советского Союза все участники вы-

ставки пожелали подарить Музею изобразительных искусств имени Пушкина по одной-две своих работы. Они навсегда останутся в вашей гостеприимной, прекрасной Москве, которая так полюбилась мне.

Фрэнк Экмайр. ПЕЙЗАЖ.

6 июня в болгарском посольстве в Москве состоялась теплая встреча, во время которой посол НРБ в СССР Димитр Жулев вручил орден Кирилла и Мефодия I степени Михаилу Александровичу Шолохову. Этой награды он удостоен за заслуги в укреплении и расширении культурных связей между НРБ и СССР.

Фото В. Будана (ТАСС).

АЛМА-АТА ЖДЕТ ГОСТЕЙ

Работает сессия Постоянного бюро писателей Азии и Африки.
Фото М. Савина.

6—7 июня в Москве проходила XI сессия Постоянного бюро писателей стран Азии и Африки. В столицу нашей Родины съехались представители 12 стран — члены Международного подготовительного комитета V конференции афро-азиатских писателей, которая состоится в сентябре этого года в Алма-Ате.

Участники сессии заслушали отчетный доклад Генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки, министра культуры АРЕ Юсефа эс-Сибани о деятельности Постоянного бюро в период между X и XI сессиями. «Вся наша работа в этот период», — отметил Юсеф эс-Сибани, — была подчинена подготовке и предстоящему форуму афро-азиатских писателей в Алма-Ате, поэтическому симпозиуму в Ереване, которые должны явиться важнейшими вехами на пути укрепления и расширения писательского движения». Генеральный секретарь объявил присутствующим о том, что Ассоциация афро-азиатских писателей зарегистрирована в ЮНЕСКО.

Выступившие затем советские писатели К. Яшен, А. Алимжанов, Ч. Айтматов, М. Шатирян, Д. Новруз и другие сообщили о ходе подготовки и конференции и симпозиуму в различных республиках нашей страны: советские издательства за 3 года между конференциями выпустили более 400 наименований произведений писателей двух континентов. Эти книги, а также более 800 наименований произведений, изданных в нашей стране ранее, составят основу книжной выставки, которая откроется в Алма-Ате в период конференции.

Зарубежные участники заседания подробно рассказали о том, как писатели в африканских и азиатских странах готовятся к конференции.

Члены Постоянного бюро рассмотрели заявление Национального комитета писателей Бангладеш и единогласно приняли решение о его приеме в состав Ассоциации афро-азиатских писателей.

Специальное заседание редколлегии рассмотрело вопросы, связанные с выпуском и распространением журнала «Лотос» — печатного органа Ассоциации, выходящего на английском, французском и арабском языках.

Участники встречи обсудили кандидатуры афро-азиатских писателей, выдвинутых на премию «Лотос». Лауреатами этой премии за 1973 год стали известный поэт из Южного Вьетнама Тху Бон, крупнейший алжирский писатель Ясин Катеб и ненийский романист Джеймс Нгуи.

Участники встречи выразили полную поддержку созыву Всемирного конгресса миролюбивых сил, который состоится в Москве осенью этого года.

О. АГЗИБЕКОВ

КТО БУДЕТ В ТРОЙКЕ?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Почти любой иностранец знает такое русское слово — «тройка». Так вот вокруг «тройки» сейчас на Ленинградском межзональном шахматном турнире разгорается спортивный конфликт. Кто из 18 участников будут теми тремя счастливицами, которые составят компанию Т. Петросяну и Б. Спасскому в турнире претендентов?

Из иностранных участников лучше всего порусски говорит Ларсен. По его мнению, ленинградская группа интереснее, чем бразильская. В свое время Ларсен, узнав, что ему играть в Ленинграде, отправил протест ФИДЕ, а когда ему отказали, ответил: «Хорошо, я поеду в Ленинград, но играю, не снимая своего протеста». Что он имел в виду, неясно. Теперь он понимает, как хорошо, что его «обидела» ФИДЕ. Ларсен выигрывает одну партию за другой, причем часто удивительно легко, быстро, почти шутя. После первой трети турнира датчанин является лидером. Он в отличном настроении. Ларсен говорит: «Я очень рад, что приехал именно в Ленинград. Организация турнира превосходная».

У всех участников есть секунданты-тренеры, кроме Ларсена. Он отрицательно относится к этой должности. Жутко расстроился во втором туре чехословацкий гроссмейстер Я. Смейкал: имея начисто выигранную позицию с аргентинским шахматистом Н. Кинтеросом, он не успел на сороковом ходу перевести часы, и ему зачислили поражение. Когда после третьего тура и Смейкалу прилетел его тренер П. Филип, дело сразу поправилось, и Смейкал выиграл две партии у Ульмана и Глигорича. Вот что значит поддержка тренера-друга.

До начала турнира фаворитом номер один считался экс-чемпион мира М. Таль. Все предполагали, что место в тройке забронировано за ним. Таль часто начинал турниры с проигрышей, но здесь Таль проиграл три партии подряд. Невероятно, но факт! Объяснить неудачу Талья невозможно. Так снова можно говорить о загадке Талья, а точнее, о весьма тяжелой шахматной трагедии. Подумайте только: пять раз подряд он выступал исключительно успешно (кроме короткого матча-турнира сборных СССР), а теперь, когда успех всего нужнее, попал в шахматную катастрофу. После стартовых приключений Талья опрокинуты все прогнозы знатоков, поэтому нам всем надо быть крайне осторожными с оценками шансов любого участника.

Если Виктор Корчной чуть-чуть отстает от Ларсена, то практически положение нашего гроссмейстера даже предпочтительнее. Ведь он уже закончил встречу с сильнейшими советскими участниками, а Ларсену предстоит еще встречи с нашей шестеркой, идущей в таблице под номерами от седьмого до двенадцатого. Иностранные участники называют этот отрезок турнирной таблицы «опасной аллеей», или «русским коридором».

Неожиданно удачен старт американского гроссмейстера Бирна (Роберт-второй имеет пять с половиной из шести). «Очень люблю проклясть в русской тройке даже летом», — шутит американец.

Немецкого гроссмейстера Хюбнера, европейского Роберта, одного из фаворитов, пока не видно в лидирующей группе, но поскольку Хюбнер набрал два с половиной очка из четырех во встречах с нашими шахматистами, то надо полагать, что Хюбнер — по-прежнему серьезный соперник.

Спокойно, ровно, безошибочно ведет борьбу Анатолий Карпов. Стоит кому-нибудь из противников лишь сделать один промах — и Карпов как пантера кидается на него. По общему мнению, Карпов не подведет.

Похвалы заслуживает мастер Кузьмин из Ворошиловграда. Этот город знаменит своими футбольными гроссмейстерами, в лице Кузьмина он, видимо, скоро получит своего шахматного гроссмейстера.

Из наших заокеанских гостей два молодых мастера, Г. Эстевес и Е. Торре, нанесли два сенсационных поражения Талю. С Торре не сумел справиться даже Ларсен, несмотря на то, что он в течение почти ста ходов старался вырвать победу. «Это не Торре, а тореадор», — так отзываются здесь о самом молодом участнике.

После шестого тура место в тройке занимают два иностранца — Ларсен и Бирн, и только один советский гроссмейстер — Корчной. Не будем заниматься прогнозами относительно дальнейшего хода турнира, но надо надеяться, что на второй шахматной неделе все наши участники разыграются.

По телефону, от нашего специального корреспондента.

Н. Баскаков (Ленинград). МЕТАЛЛУРГИ.

Э. Калныньш (Рига). НА БЕРЕГАХ ПРИБАЛТИКИ.

ЗЕНТА ВЕРНУЛАСЬ...

См. II стр. обл.

«...чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки

и в другие долгие дела»,
Вл. Маяковский.

Это всего лишь продолжение биографии одной латышской школьницы. Вот как все было...

— Рига-порт! Рига-порт! — раздается в динамике главного диспетчера порта громкий мужской голос. — Я — Зента Озола! Я — Зента Озола! Прошу на связи! Прием!

— Зента Озола! Рига-порт на приеме!

— Через час будем у приемного бую, прошу лоцмана!

И вот уже навстречу «Зенте Озоле», разрезая морскую гладь, разбрасывая пену и белые брызги, несется лоцманский катер с белым отличительным знаком на рубке. С «Зенты Озолы» выброшен штормовой трап, перебирая руками толстый канат, лоцман поднимается наверх.

— Добрый день, — приветствует он капитана теплохода Владимира Лазаревича Григораша. — С благополучным прибытием!

Слова лоцмана адресованы не только капитану, экипажу, но и Зенте Озоле, отныне «пароходу и человеку», как говорил Маяковский.

Для меня эта встреча нечто большее, чем обычная редакционная командировка. Семь лет назад был опубликован в «Огоньке» мой очерк об одиссее латышской школьницы Зенты Озолы, попавшей, можно сказать, прямо со школьного выпускного бала на войну. Тогда, помнится, ни о море, ни о судах речи не было. Впрочем, один-единственный раз девушка переправлялась на пароходе через Оку. А сейчас жизнь Зенты — настоящая и будущая — одно большое плавание. Тот рейс во Францию, который только что завершился, всего лишь его начало. Отныне, сказали в пароходстве, ее трассы ведут к берегам Японии, США, Австралии, Кубы, Эквадора...

...Между тем лоцман, отлично знающий фарватер, подает одну команду за другой.

— Средний ход!

Омытая волнами нескольких морей, сверкая стеклами иллюминаторов, металлом современных навигационных инструментов и приборов, «Зента Озола» — белоснежная; красивая — входит в родную Ригу. Плещет на ветру Государственный флаг СССР, поднятый всего лишь несколько месяцев назад в Польше, на Гданьской судовой верфи имени В. И. Ленина. В кают-компании подарки польских корабелов: панорама судовой верфи, портрет Зенты Озолы, написанный польским художником, подарки для матери Зенты.

Как долг был обратный путь девятнадцатилетней девушки домой, знает разве лишь она, мать — Берта Карловна, пожилая, усталая женщина. Сейчас она пришла на свидание с дочерью в порт. Когда Зента уходила из Риги, проститься не довелось.

Медленно поднимается мать по парадному трапу на теплоход, названный именем ее дочери. В порту наступила тишина. Грузчики поднялись на крыши рефрижераторных вагонов, матросы соседних судов высыпали на палубу, вскарабкались люди на тюки, ящики... Все смотрят на трап, по которому поднимается маленькая женщина в черном...

— Мама, — слышу я рядом. И в слове заключена вся печаль и все горе о тех, кто не вернулся, как и дочь ее, с войны.

На борту теплохода гостью встречает капи-

тан Григораш. Он рапортует матери об успешном окончании первого рейса и представляет почетную гостью экипажу судна.

Тихим, печальным голосом произносит она в ответ:

— Шла сюда, в порт, и было такое чувство, будто сейчас увижу свою доченьку, свою Зенту.

А Зента за несколько минут до начала атаки записала в своем фронтовом дневнике: «Смотрю на фото мамочки. Милая моя мама! Как бы хотела хоть еще один раз в жизни увидеть тебя!». Через несколько страниц: «Я приучила себя не грезить прежней, мирной жизнью, не мечтать о ней, но в случае если б довелось вернуться домой, в Латвию, я многое могла бы рассказать далеким сейчас от меня, но всегда близким и милым людям, маме, например...» Не услышала больше Зента глухаватого, усталого голоса матери: «Я шла сюда...» Позднее, прощаясь с моряками, мать поблагодарила партию, Советскую власть за то, что высоко чтят память о погибших на войне.

Да, Зента — одна из 20 миллионов, отдавших жизнь за Родину. И сейчас, когда Родина достигла крупнейших успехов в оздоровлении международной обстановки, когда СССР стал символом мира на земле, белоснежный теплоход, которому присвоено имя латышской девушки, — гордость наших дней.

Среди тех, кто отдавал в эти минуты и воинские и гражданские почести Зенте Озоле, найдутся, возможно, и такие, которых Зента своими руками вынесла с поля боя... Подруги ее, пришедшие встречать теплоход, рассказывали, что такие люди в Риге живут, рассказали также, как Зента выглядела на войне: «Подоткнув полы шинели, согнувшись, несет раненого на спине или тянет его на самодельных салазках. Шла и через минные поля, и под огнем вражеской артиллерии, и под прицелом снайперов».

...Объявив, что Зента Озола навечно зачислена в состав экипажа, и ознакомив почетных гостей с теплоходом, капитан Владимир Григораш пригласил всех в кают-компанию на флотский чай. И там боевые соратницы Зенты рассказали о подруге: «Она ничего не делала спустя рукава, ее отличительной чертой было то, что на нее всегда можно было положиться. Она была человеком высокого долга». И представитель комитета комсомола пароходства, в общем-то очень юный, возможно, ровесник живой Зенты, в ответ на это сказал, что сегодняшняя молодежь верна делу, за которое Зента сложила голову, а также верна этой ее отличительной черте.

...Вчера в это время на бульваре Падомью, дом № 2, радистки Латвийского пароходства помогали мне связаться с теплоходом. Он задерживался в пути, и мы, ожидавшие его, были в тревоге. «Друг на дружке сидим, тесно в эфире», — жаловались связистки. Радистки читали эфир, как газету. Мигали зеленые и красные, желтые и синие глазки реле. Зажигались и гасли прямоугольники на громадном, во всю стену табло с позывными судов со всех концов света. Мне посоветовали надеть наушники, чтобы получить более точное представление о море, о судах, о «Зенте Озоле». Пронзительные сигналы, разряды, монотонные точки-тире морзянки... А за громадными окнами веселая воскресная жизнь городского района Риги.

— Не один вы ждете из зарубежного плавания друзей, у меня вот, например, муж трудится сейчас у берегов Канады, он радист, как и я, на траулерном рефрижераторе, сын — штурман танкера, на подходе из Кубы... У многих так. Это — знамение нашего времени. Торговля, дружба, разрядка в отношениях между странами, между народами, между людьми... Мы, радистки, постоянно слушаем дыхание времени.

«Зенту Озолу» все еще «ловят». Внезапно наступает тишина. От недоумения я снял даже наушники, но объяснили, что ничего особенного не произошло, просто на табло погасли все прямоугольники, за исключением одного — сигнала бедствия. Это вся Вселенная прислуши-

вается в эфире, не терпит ли бедствия кто-нибудь в море. Эта тишина необходима для того, чтобы случайно не пропустить сигнала SOS. А потом в наушники вновь хлынет знакомый шум радиостанций всех морей и всех океанов. И в шуме этом наконец-то послышался голос «Зенты». Голос Зенты! Однажды, было это тридцать лет назад, в глухую мартовскую ночь 1943 года в оккупированной Риге... В эфире, как и сейчас, прозвучало имя Зенты... Сестра ее матери — Анна — ловила тайную передачу на латышском языке из Москвы. И вот в наступившей в эфире тишине услышала: «Погибла отважная дочь латышского народа Зента Озола». Да, именно при таких обстоятельствах стало известно о смерти той, которую в семье все еще считали ребенком. Повсюду были разбросаны ее куклы, ученические тетрадки — гордость матери. Зента училась на одни пятерки и в любую минуту безотказно решала всем, кто бы ни обратился к ней, задачки. При этом у нее после восстановления в Латвии Советской власти были тысячи нагрузок. Зента не любила сидеть дома, всегда куда-то спешила, всегда в окружении подруг, друзей.

...Теплоход тем временем следовал Северным морем с полным грузом в Ригу. Капитан Владимир Григораш на мой вопрос ответил, что первый рейс Вентспилс — Сен-Назер — Рига проходит благополучно, что настроение у экипажа хорошее и все они готовы выполнить задания решающего года пятилетки досрочно, что день рождения В. И. Ленина отмечен на судне коммунистическим субботником... За время стоянки в Сен-Назере судно посетили более двухсот французских граждан и состоялась встреча по футболу команды судна с местными докерами.

Позднее я узнал, что в том товарищеском матче играл и сам капитан, и это вызвало у французов не просто большой интерес, но и симпатию к советским морякам.

А в заключение капитан приглашал по приходе «Зенты Озолы» в Ригу на борт теплохода.

К группе судов: «Александра Коллонтай», «Полина Осипенко», «Марина Раскова», «Лариса Рейснер» — присоединился теплоход «Зента Озола» — младшая сестра выдающихся советских женщин. Еще известно, что рядом с Ларисой Рейснер Зента, можно считать, очутилась не случайно. Обе они были на войне и воинами и журналистами. Рейснер — комиссаром, Зента — санинструктором.

Однажды позвонили военврачу и сказали: «Откомандируйте Зенту на работу в редакцию дивизионной газеты «Латышский стрелок»...» Бывало, придет она в аптеку за медикаментами, индивидуальными пакетами, бинтами, шинями, и уже все знают, что надо бросать все и выполнять заявку Зенты. Зента не терпела ни медлительности, ни волокиты, ни праздной болтовни... Что и говорить, жаль было расставаться с таким санинструктором, но уже сколько раз находили у нее то в ушанке, то в ватнике осколки мин и снарядов. Просто чудом девушка не погибла. Врач подумал, в редакции все-таки будет менее опасно, и Зенту откомандировали на работу в «Латышский стрелок». «Репортерской работой Зента занимается с утра до вечера, — когда-то заметил Джек Лондон, — ей нужно отдать всю жизнь! И жизнь превращается при этом в какой-то вихрь, это жизнь минуты, без прошлого и без будущего». На такую именно работу и попала Зента Озола. Остается лишь добавить, что, во-первых, она, став фронтовым корреспондентом, ни в коем случае не пожелала расставаться со старой своей профессией, по-прежнему ходила с большой санитарной сумкой, собирала материал в газету и оказывала помощь раненым на поле боя. И еще: разве скажешь о жизни Зенты «без прошлого, без будущего»?

«Сейчас сильный ветер и метель. Сегодня я

прошла пешком немного — километров двадцать пять, не больше. Теперь я уже вернулась в редакцию. Сидим вместе с редактором возле маленькой печурки и составляем макет завтрашнего номера газеты». Когда восемь лет тому назад я впервые взялся написать о Зенте, повстречались мне десятки ее соратников, школьных учителей, бывших соучениц, конечно же, сестра, мать. Они и сейчас все были на борту теплохода. Лишь отца, Юлиуса Карловича, который до последних дней жизни проявлял громадную заботу о школьном саде, тут не было. Он умер. Не раз встречал его по улице Агенскалн, за Даугавой, с молодыми деревцами на плече. «Иду к Зенте», — говорил он. И я догадывался, что старик держит путь в среднюю школу № 5, где когда-то учились две его дочери. Хотелось мне побольше узнать о Зенте, ее характере, привычках... Немало фотографий в то время разыскал я. Вот Зента на велосипеде возле школьной ограды, вот дома, в гимназической форме, вышивает крестиком какой-то коврик, рядом на подушке — кукла. Вот она же верхом на коне, в ковбойской шляпе и брюках клеш, и вновь, теперь вместе с сестрой и подругой, на школьном дворе во время посадки молодых деревьев... Рядом с этими фотографиями легли фронтовые снимки. В лесу происходит нечто вроде редакционной летучки. Собрались у костра корреспонденты, писатели, редактор, и среди них Зента. А вот групповой снимок. Он был опубликован на четвертый или пятый день войны в газете «Циня», там Зента, сияющая, веселая, а под фотографией подпись: «Первые комсомольские добровольцы — на фронт!» Какой же она была, Зента? Еще один документ — ее заявление в партию: «Прошу принять меня в члены ВКП(б). Знаю, что это возлагает на меня большую ответственность. Я готова отдать все свои силы и знания, не жалея ни крови, ни самой жизни, ради победы над врагом. Я готова с честью оправдать высокое звание коммуниста-большевика».

Написала 24 ноября 1942 года. И после этого документа, наверное, уместно упомянуть еще об одной фотографии. Через пятнадцать лет после войны ее боевые друзья отправились под Старую Руссу и отыскивали заброшенную проселочную дорогу, по которой в последний раз прошла Зента. На этом вот проселке и завершилась ее земная жизнь. Это произошло 9 декабря 1942 года, ровно через две недели после того, как она стала коммунисткой. Возвращаясь в редакцию, Зента здесь упала, сраженная осколком мины. В газете рядом с ее последней корреспонденцией печатался некролог о ней. Добрый военный доктор, предполагавший, что в редакции Зенту ждет тихая, беззаботная жизнь, горько ошибся. Еще утром кто-то видел ее смеющейся, ни у кого не было такой боевой закалки, как у нее. Хрупкая, маленькая... Как много неприятностей, однако, причинили ей эти ее свойства! Никогда не хотели зачислять ее в санинструкторы. Без конца отказывали.

— Молодая, слишком молодая, — твердили все.

— Возраст не помеха, — отбивалась Зента.

— Но ведь ты хочешь в санитарки?

— Да, — с решимостью отвечала она.

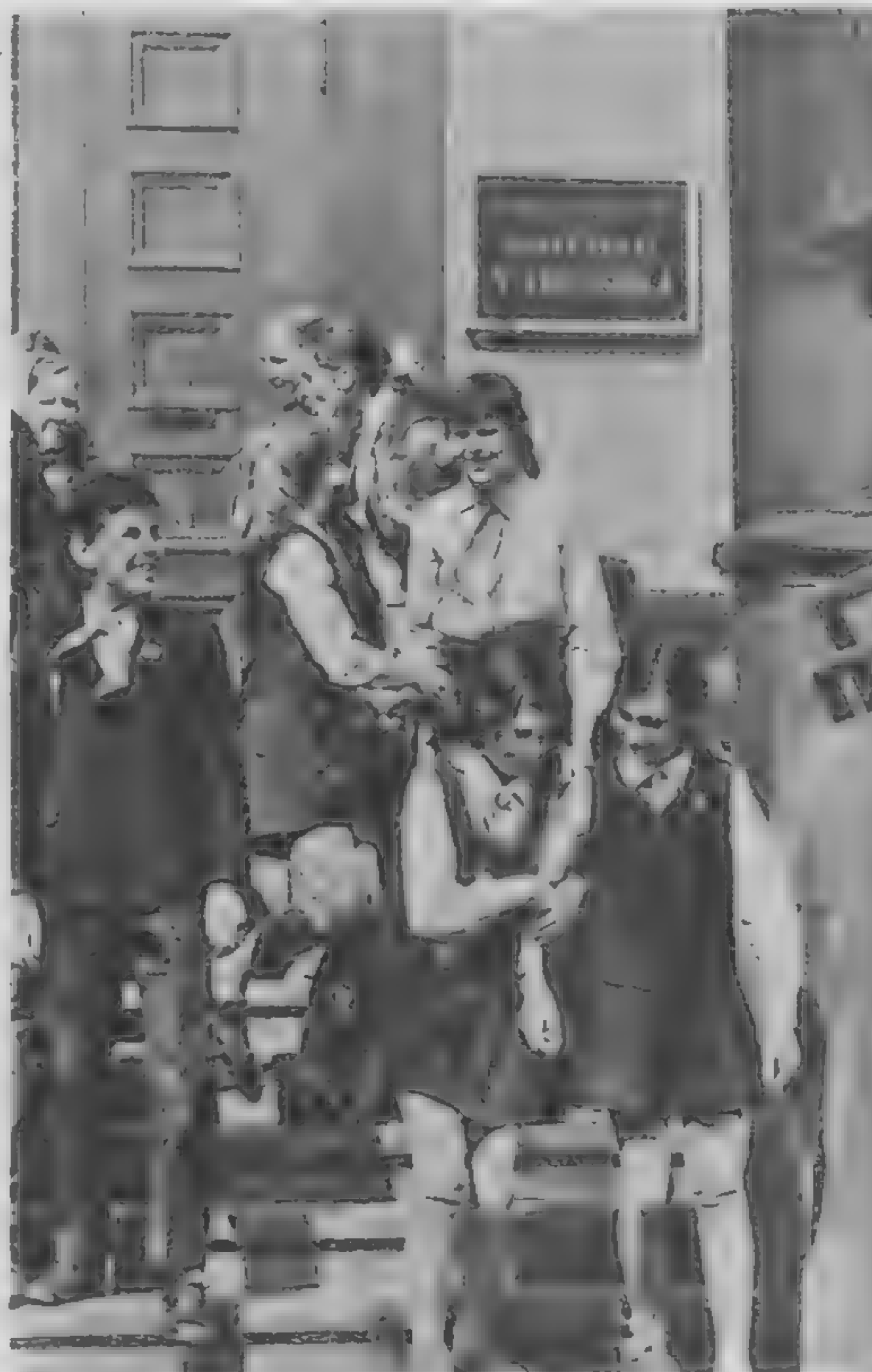
— А для этого требуется медицинская подготовка.

— Ну и что? Я уже делала в Риге перевязки.

— Нет, без медицинского образования нельзя, — упорствовал пожилой комиссар. Он просто пожалел юную голубоглазую девочку, совсем ребенка, неистово рвавшуюся в пекло, в огонь, на войну. Строго-настрога наказал он часовым не пускать Зенту на территорию войсковой части. И тут «ребенок» пошел на хитрость. Выпросил у молодого латышского стрелка пилотку и шинель, в этой вот форме прошмыгнула она под самым носом часового в часть. К слову сказать, этого стрелка я знал, писал о нем незадолго до начала Великой Отечественной войны, когда он, сменив полосатую арестантскую униформу на одежду советского офицера, маршировал вместе с такими же, как и он, бывшими политическими заключенными ульманисовской тюрьмы по узким, кривым улочкам старой Риги. Шесть раз сажали его в тюрьму за подпольную комсо-

В школьные годы.

Большая перемена.

мольскую работу, девять лет томила там и его мать. Спустя много лет после войны приехал я в Ригу, чтоб узнать о его судьбе. Оказалось, что с первых же дней войны он участвовал в уличных боях в Риге, был в тылу врага, дрался за Москву и погиб в декабре 1941 года у стен столицы. Знакомясь с хранящимся в Институте истории партии Латвии делом коммуниста-подпольщика, героя Отечественной войны, наткнулся и на имя Зенты. Да, да, на эпизод с шинелью и пилоткой, которыми снабдил он девушку, нарушив устав. И это послужило толчком к поискам героини будущего очерка. В отличие от потомственного, профессионального революционера Зента была всего лишь рядовой школьницей. В комсомол вступила в феврале 1941 года... Однако вернемся к ее разговору с комиссаром.

— Без медицинской подготовки нельзя, — продолжал по инерции твердить он.

— Тогда в прачки возьмите, — быстро нашлась Зента, — надеюсь, на этой-то должности Гиппократ не понадобится мне...

Комиссар, представьте, сдался, и Зента была зачислена в полк.

Прошло много лет, и сейчас, когда Зента Озола, как и прославленный соотечественник

ее, дипкурьер Теодор Нетте, погибший при защите дипломатической почты на территории старой Латвии, воплотилась в «пароход», случайно попался мне на глаза наградной лист, подписанный, как выяснилось, тем самым комиссаром, который упорно не брал ее в полк. Что же написал он? «Тов. Озола З. Ю. не оставалась на КП батальона, а ходила из одной роты в другую, всюду оказывая помощь и подбадривая бойцов. Во время наступления наших частей тов. Озола не только перевязывала раненых, но и помогала набивать бойцам пулеметные диски, собирала патроны и гранаты и ползком доставляла их на огневой рубеж. За 12 и 13 августа 1942 г. тов. Озола вытащила, перевязала и доставила в санавзвод 32 бойца и командира. За проявленные храбрость, отвагу и решительность ходатайствую о награждении тов. Озолы орденом Красной Звезды».

...Обо всем этом капитан теплохода «Зента Озола» Владимир Лазаревич Григораш мог лишь догадываться, а к нему, начиная с Гданьска, непрерывно обращаются с вопросами, кто такая Зента Озола.

По тому же штормтрапу, по которому поднялся наш лоцман на борт теплохода в Риге, поднялся в Сен-Назере французский лоцман. Он, как и наш, блестяще провел в порт теплоход по довольно узким, сложным и запутанным морским «тропинкам». Наш капитан его поблагодарил, пригласил в воскресенье вместе с семьей в гости. Французский лоцман явился с дочерью, готовящейся, как сказал отец, стать в Сен-Назере учительницей русского языка. И, конечно же, она задала Григорашу все тот же вопрос — о Зенте. Добавив при этом, что перелистала все справочники и энциклопедии, а этого-то имени нигде не обнаружила. Григораш смущенно ответил, что Зента была очень молода, когда совершила свой подвиг, ей еще и девятнадцати тогда не исполнилось. И тут французенка, приложив палец к губам, произнесла:

— Теперь все поняла. Она у вас, как у нас Жанна д'Арк. Так ведь? Правильно я сказала? Ведь нашей Жанне тоже было девятнадцать, когда она погибла, защищая Отечество.

Пока теплоход стоял в Сен-Назере, на нем перебивало много французов. Оказались там во время этого разговора двое молодых докеров. Молча выслушав юную соотечественницу, они куда-то ушли и вскоре вернулись на борт теплохода с громадной, толстой книгой, открывавшейся великолепной репродукцией знакомого нам по Третьяковской галерее репинского полотна «Годовой поминальный митинг у стены Коммунаров на кладбище Пер-Лашез в Париже».

Повторив последние слова дочери французского лоцмана, один из докеров добавил:

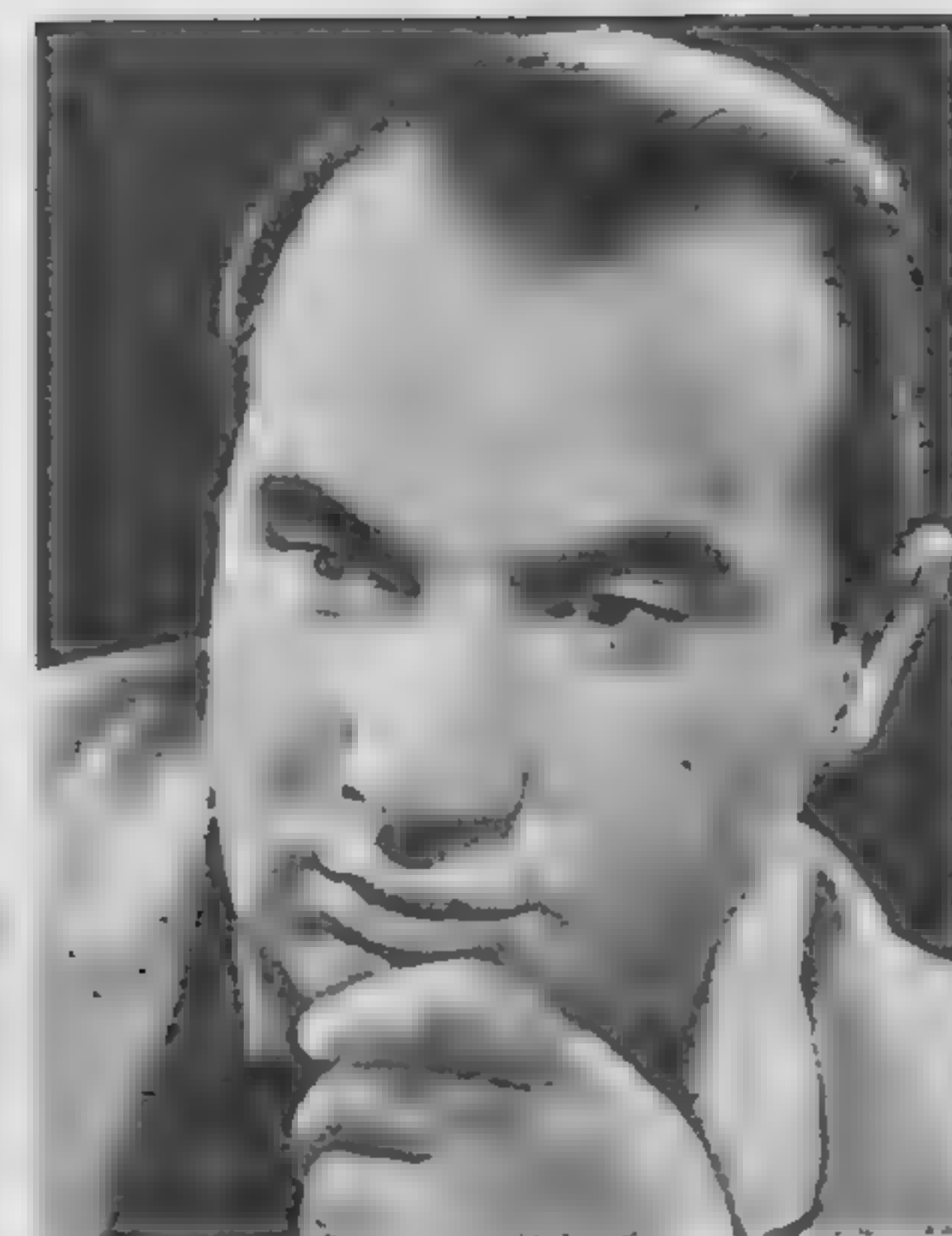
— Ведь ваш теплоход можно считать еще и величайшим памятником героине Великой Отечественной войны. Так я говорю?

И тут Григораш, бывалый моряк, когда ему перевели эти слова, не выдержал, замигал глазами и полез в карман за платком. Впрочем, это был уже второй случай, когда разговор о той, чьим именем назван его теплоход, между прочим, первый в жизни, которым ему доверено управлять, привел Григораша в такое вот смятение. В Польше Григораш написал письмо сестре Зенты — Велте, сообщал ей и матери, как строилось судно, когда начнутся его испытания, приглашал их на теплоход. Просил написать для судна портрет Зенты (просил, чтоб Велта — художница). «Я надеюсь, — заключил он, — что вы ответите на письмо сразу, так как времени до выхода в море очень мало». И что же? Вскоре письмо вернулось обратно нераспечатанным. Долго гадали моряки, в чем дело, почему не доставлено письмо адресату. И вдруг обнаружили, что на конверте не указано название города. Вот что случается с людьми, когда они сильно волнуются. А капитан был взволнован, когда писал то письмо, как, впрочем, волнуется и сейчас, принимая на борту своего первого теплохода дорогих, почетных гостей. Но разве только капитан взволнован? Никто, ни один человек не останется равнодушным к белоснежному этому, в общем-то не такому уж и большому судну, где б ни встретилось оно, в открытом ли океане или у причала.

Таково вкратце продолжение биографии латышской школьницы, одной из двадцати миллионов советских граждан, не вернувшихся с войны, отдавших жизнь за Родину. Ныне грузовой рефрижераторный теплоход, носящий ее имя, доставляет советским детям и детям других стран, в том числе и немецким, бананы, апельсины, ананасы, лимоны...

СОЛНЦЕ ЦЕЛО ПЕСНЮ

Исхак МАШБАШ

ВСЕМ ИДУЩИМ ЗА ГОРИЗОНТ

Сколько разных дорог пролегло по земле,
И как много людей беспокойных на свете!
Я о тех, кто рассветы встречает в седле,
Я о тех, обгоняющих солнце и ветер.

Этим утром я думаю снова о вас,
Космонавты и всадники, люди дороги,
Где-то звездочка в небе рассветном
зажглась,
В ней и ваши надежды и ваши тревоги.

— В добрый путь! — говорю я простые слова —
Пусть порой непростой и порою далекий...
Как спешит, пробивается к солнцу трава,
Как торопятся к людям и песни и строки!

Будят землю ручьи молодые весной,
Позывные торопятся к чутким антеннам.
И мальчишка бежит по тропинке лесной,
И идут сталевары к горячим мартенам.

— В добрый путь! — говорю я. — В высокий полет!
Пусть он станет открытием и озареньем.
...Но оружие кто-то в дорогу берет —
Посмотрю ему вслед с молчаливым презреньем.

Пусть собьется с пути, вспоминая мой взгляд,
Пусть отстанет, сбивая усталые ноги,
И, оружие бросив, вернется назад,
Проклиная дороги... Но — злые дороги!

Сколько светлых дорог пролегло по земле!
И как много людей беспокойных на свете.
Я о тех, обгоняющих солнце и ветер,
Я о тех, кто рассветы встречает в седле.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

За радостную весть одаривать добром —
Не зря у нас живет обычай этот мудрый.
Всем дикторам земли, принесшим радость в дом,
Дарю свои стихи, написанные утром.

И радость, и любовь, и боль свою дарю.
Слова своей души дарю, — берите, люди!
— Мир дому твоему! — Вьетнаму говорю.
А если будет мир, все остальное будет.

Мир дому твоему, далекая страна,
Вся в оспинках от пуль, вся в рываках и ранах.
Сегодня я узнал: окончена война.
Такая тишина, поверить даже страшно.

Не сдерживайте слез, что радостью полны!
Сегодня с вами я и: праздную и плачу.
Как счастлива земля,
Где больше нет войны,
Как счастлива земля, что можно жить иначе:

Не самолетный гул, а гром обычных гроз,
Свист не снарядов, нет, а птиц над головами,
Не сдерживайте слез, счастливых, светлых слез!
А слезы всех утрат — они еще за вами.

О, сколько слез невест и той и той страны
И пролилось уже и выплакано будет.
О, сколько сыновей, что не пришло

с войны,
О, сколько матерей об этом не забудет!

Еще идет война по их тревожным снам...
А первый мирный день так радостен и светел!
— Мир дому твоему, — я говорю, —
Мир дому моему и всем домам на свете!

Я ПРОШЕПЧУ СЛОВА

Когда в горах прозрачным утром ни души
И тишину разрушить боязно словами,
Я снова встану, горы, перед вами:
«Ах, до чего же вы сегодня хороши...»

Так тихо их я про себя шепчу,
Все те слова, что мне захлестывают душу.
Я вашей строгости спокойной не нарушу,
Я просто, горы, вместе с вами помолчу.

Я посмотрю, как облака плывут белы,
Как Лагонаки улыбается в тумане,
И речка светлая танцует на поляне,
И обрывается тропинка со скалы.

И словно не было кровавых рек войны,
И жгучей мести, и нечаянного спора,
И на земле не оставляли скакуны
Горячих ссадин, заживающих нескоро.

Давно-давно прошли века, года и дни.
В который раз в долине яблоки созрели?
И только горы до сих пор не постарели.
И только горы — вечно молоды они.

В моей долине абадзехской тишина.
Там все отсвечено летящей листвою.
И облака плывут, плывут над головою,
А небо — озеро без берега и дна!

Любую боль забуду я, любое горе,
И на заре, когда в долине ни души,
Я снова перед вами встану, горы:
«Но до чего же вы, родные, хороши!»

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЧАС ВОСХОДА СОЛНЦА

Встающему солнцу навстречу я вышел.
Был мир голубым, и счастливым, и светлым.
Я шел по рассвету и музыку слышал:
Так пели деревья, и травы, и ветры.

И мне показалось: тропинкой одною,
Умытой росой, веселой до звона,
Деревья и травы шагают со мною,
За солнцем идут по земле удивленной.

И шли вместе с нами и реки и скалы,
Полянки лесные, сады, перевалы.
И солнце свой свет по земле расплескало —
И ночь уходила, и ночь отступала!

А день занимался, и теплый и ясный,
И в тихой долине и в новых кварталах.
«Ты свет наш...» — звенели ручьи не напрасно.
«Ты радость...» — высокое небо шептало.

А солнце все шло по рассветным дорогам,

Чтоб день был из встреч, и надежд, и открытий...
И если вам солнца достанется много —
Вы свет этот щедрый с землей разделите!

Встающему солнцу навстречу я вышел.
Был мир голубым, и счастливым, и светлым.
Я шел по рассвету и музыку слышал:
Так пели деревья, и травы, и ветры.

СТИХИ О СЕБЕ

Как река, что течет без излучин,
Я открыто и прямо живу.
Легких слов говорить не приучен,
Человеком тяжелым сльву.

Сколько раз меня гнуло ветрами,
Заливало тяжелой водой;
Как в лесу по ветвям топорами,
Сколько раз меня било бедой!

Улыбнусь незнакомым прохожим
И охотно друзьям подпою,
Если будет их песня похожа
На правдивую песню мою.

Человек я тяжелый, не скрою.
Может, это с того и пошло,
Что застенчив бываю порою,
Объясняюсь в любви тяжело!

Тихо-тихо, губами одними
(Здесь иные слова не нужны),
Говорю твоё светлое имя
И высокое имя страны.

СОЛНЦЕ ЦЕЛО ПЕСНЮ НА МОИ СЛОВА

Шли мы с солнцем тропинкой одной.
Я — по травам. Оно — в поднебесье.
Пело солнце веселую песню,
А слова к ней написаны мной!

Все, о чем мы сказали вчера,
Все, что ты накануне читала,
Этой солнечной песнею стало,
А еще — пожеланьем добра.

Мне и солнцу смеялась роса,
Подпевало бездонное небо.
И колосья грядущего хлеба
Тоже пели на все голоса.

И была эта песня о том,
Чтобы люди с улыбкой встречались,
Чтобы в мире моем непросто
Было меньше тревог и печалей.

Той земле, где грохочет война, —
Разве в этом земля виновата? —
Поскорее желала она
Мирных зорь и спокойных закатов.

Я не зря написал о войне —
Разве я это слово забуду?
Если солнце в моей стороне,
Это ль значит, что солнечно всюду?

А еще эта песня была
Про улыбку твою молодую
И про то, как тропинка светла,
По которой за солнцем иду я.

Перевела с адыгейского
В. Творогова.

А ГДЕ МЫ Е

17 июня — День
медицинского работника

М. ХРОМЧЕНКО,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Когда мы вошли в палату, Миша встретил нас радостным восклицанием:

— Я построил Ленинград! — И показал на кубики.

Это достижение было и впрямь поразительным. Не потому, что трехлетний житель Баку повидать Ленинграда еще не успел. Полтора года назад он не мог двигаться, не мог не то что играть — пошевелить ногой и рукой. И вот теперь, на исходе третьего курса лечения в клинике детских болезней I Московского медицинского института, Миша носится по палате как угорелый, или, лучше сказать, как нормальный, здоровый мальчишка его возраста.

Здесь, в этой клинике, постоянно лечатся двести пятьдесят ребят. Разные, как правило, тяжелые болезни. Разные возрасты: с первого дня жизни и до шестнадцати лет. Объединяет их всех одно: болезнь, а с ней страдание. И чем оно горше, тем глубже они постигают науку сочувствия, проникновения в чужую беду, в чужое горе.

Эту емкую, горькую, но едва ли не самую человеческую науку сострадания им преподает прежде всего их собственная боль. А еще врачи, сестры, воспитатели, все те взрослые люди, которые сирашивают детям дни, недели, месяцы пребывания в клинике. С теми, кто постарше, легче, а с этих, самых маленьких, нельзя ни минуты спускать глаз. И еще их надо очень любить.

— Без любви к детям нет педиатра, — неоднократно повторял академик медицины Василий Иванович Молчанов, продолживший эстафету основоположника отечественной педиатрии Нила Федоровича Филатова, друга детей, как выбито на постаменте памятника ему в сквере на Пироговке.

ЩЕ НУЖНЕЕ?

— Надо любить не только детей, но и людей вообще. Родители, как и дети, бывают разными, а конфликт с родителями, если он возникнет, может проявиться в отношении к больному ребенку,— сказала нам ученица Молча-

нова Юлия Фоминична Домбровская, знаменитый детский доктор, академик медицины и лауреат Ленинской премии, ныне научный консультант клиники.

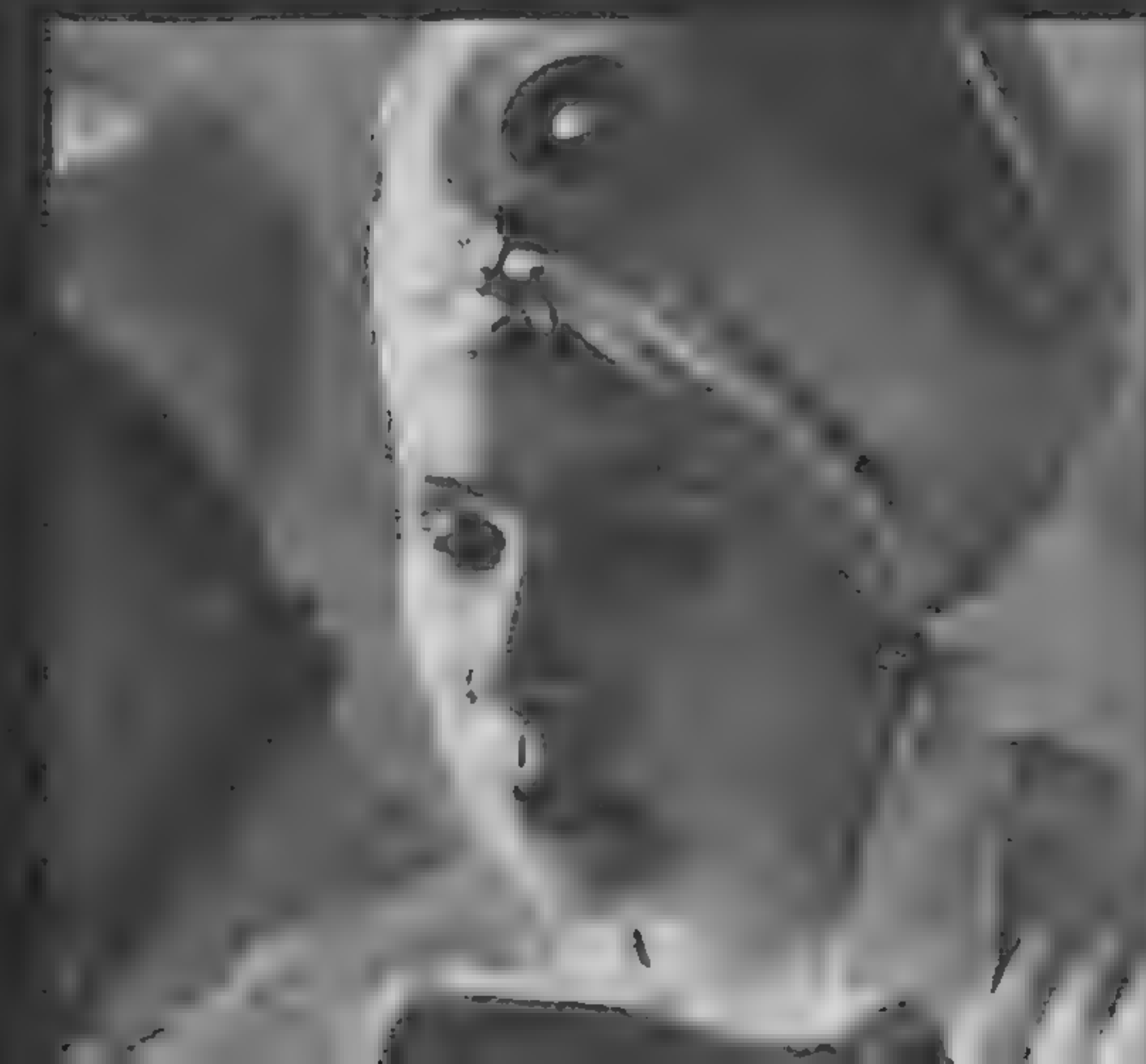
— Человеку, который не любит де-

тей, не место в нашей клинике,— добавила ученица Домбровской, профессор Людмила Александровна Исаева, три года назад сменявшая своего учителя на посту заведующего кафедрой и директора клиники.

Людмила Александровна Исаева. Ученица Домбровской, три года назад она получила эстафету из рук учителя.

На операции: помочь одному, научить многих.

Заведующая отделением отоларингологии Альбина Ивановна Хоперня.

Не один десяток лет работают эти врачи на кафедре. Домбровская пришла сюда в шестнадцатом году, Исаева — в сорок седьмом. И право на лечение детей обе они завоевали упорством и волею.

Юлия Фоминична Домбровская. Через три года коллеги, ученики и поколения благодарных пациентов отметят шестьдесят лет ее служения педиатрии.

Домбровская училась в Петербурге, в Женском медицинском институте. Чтобы быть принятой, необходимо было окончить женскую гимназию с золотой медалью и еще дополнительно на «отлично» сдать экзамены за мужскую. Но Юлия Фоминична знала: только так она может попасть в медицину. А то, что она будет врачом, и врачом непременно детским, для нее было ясно с того самого времени, как она стала осознавать себя.

Не было сомнений в выборе профессии и для Исаевой, и еще труднее было ей эту профессию получить. До десяти лет она лежала в постели, долгие годы — в гипсе, пораженная туберкулезом, а в медицинский институт принимали, за редчайшим исключением, только здоровых, физически крепких людей. Людмила Александровна добилась своего, и только она сама знает, чего ей это стоило. И уже на втором курсе, еще до того, как она стала секретарем комитета комсомола, ее заметила Домбровская, тогда декан института. Так что Исаева включилась в работу педиатрического научного студенческого кружка с младших курсов, и, когда пришла на кафедру, была принята сотрудниками как своя.

— На моих глазах педиатрия из второстепенной науки выросла в науку, решающую для советской медицины, — рассказывает Ю. Ф. Домбровская. — Мы пользуемся новейшими методами диагностики и лечения, в нашем распоряжении разные лекарства — все, чем вооружена современная медицина. Но и сейчас, так же как и прежде, главным правилом нашей клиники было и остается выживание больного. За каждого ребенка мы сражаемся так, как если бы он был у нас единственным. До Великой Отечественной войны от пневмонии погибало свыше половины заболевших новорожденных. Мы сумели резко снизить смертность детей еще до появления антибиотиков. Почему? — спросите вы. Только потому, что боролись за жизнь каждого погибающего, даже безнадежного ребенка до тех пор, пока в слабом его теле билась хоть искра жизни.

— Это правило и сегодня остается для нас главным, — говорит Л. А. Исаева. — В клинику привозят тяжелобольных детей со всего Союза. И вообще мы кафедра традиций. Филатов, а затем Юлия Фоминична начинали разрабатывать проблему патологий легких и дыхательных путей. Молчанов — ревматизма, ревматических поражений сердца и суставов. Оба эти направления продолжают развивать наши сотрудники. Много внимания мы уделяем и важной современной проблеме — коллагенозам, объединяющим

большую группу заболеваний соединительной ткани, из которой построены кости и кожа, мышцы, сердце, стенки сосудов, — а также патологии новорожденных.

Мы видели больных детей с коллагеновыми поражениями и знаем теперь, что это такое. Знаем и то, как упорно они сопротивляются лекарственным ударам: может пройти не один месяц, прежде чем врачи добьются решающих успехов. Но тем они радостнее, эти успехи.

— Несколько лет назад, — продолжает Исаева, — к нам привезли трехлетнюю девочку с узловым периаартериитом, это все тот же коллагеноз. Обследуем: в животе — пульсирующая опухоль. Тревожный признак — узловой периаартериит поражает кровеносные сосуды, разрушает их стенки, а это может привести к разрыву сосудов, инфаркту, кровоизлиянию... Срочно показали Галию хирургам. Те говорят: колоссальная аневризма, надо оперировать, но прежде отмените преднизолон. (Дело в том, что этот гормон, сражаясь с основным заболеванием, одновременно снижает сопротивляемость организма к инфекции.) Попробовали отказаться от препарата. Куда там! У Гали начались такие приступы, что она, обычно веселая и ласковая, бросалась на стены, на врачей. Пришлось моментально вернуться к гормонам, и, когда приступы прекратились, мы опять пошли к хирургам. Шесть часов продолжалась операция, шесть долгих часов колдовали хирурги над нашей Галиной. А спустя двадцать один день «бегает в аудиторию Галя, бросается на шею и кричит: «...Людмила Александровна, это я!» — словно я могу ее не узнать. А я ее действительно еле-еле видела, сплошная пелена перед глазами. И не только у меня, у всех нас. А недавно мы получили письмо от Галиной мамы: наша Галя идет в первый класс!..

Традиции, заложенные основателями, бережно передают молодежи профессор Н. А. Тюрин, доцент С. А. Бандина, доктор наук А. К. Светлова и другие ветераны клиники. В прошлом году сюда пришла ординатором Лидия Слепак — самый молодой врач клиники. Но, как мы узнали, работает она здесь уже более десяти лет. Начинала санитаркой, затем окончила школу медсестер, доросла до старшей сестры, поступила в институт, успешно закончила его, все это время учась не только в институте, но прежде всего непосредственно в клинике, впитывая ее традиции.

Мы спросили Слепак: почему она выбрала педиатрию?

Она ответила, не раздумывая:

— А где мы еще нужнее!

УСТО- ЗНАЧИТ МАСТЕР

Ю. ЛУШИН,
Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Если человек хорошо делает свое дело, его уважают. Если делает отлично, уважают еще больше. Но если человек всю душу вкладывает в дело, так, что оно начинает сверкать гранями щедрого его таланта и вдохновения, народ обязательно скажет о таком (неважно, кто он по профессии): мастер своего дела. В Таджикистане подобных людей называют усто.

ПРАЗДНИК ЦВЕТА

Ослепительной чистоты и красоты бабочка уселась на влажную, жирную грязь на берегу арыка. Он остановился и долго смотрел на нее. Может быть, хотел запомнить прихотливый орнамент на крыльях бабочки? Может быть, размышлял о смелости матери-природы, соединившей, казалось бы, несоединимое — грязь и чистоту? Белые лепестки цветущих яблонь устилали землю, образуя ковер, узор которого не удалось повторить еще ни одному художнику. А казалось бы, чего проще... Немного погодя он признается в разговоре за пиалой традиционного зеленого чая, что всю жизнь учился и продолжает учиться у природы естественному сочетанию красок. Каждую весну он уходит в горы, смотреть, как цветут тюльпаны на альпийских лугах.

В чайхане «Ором» я увидел эти тюльпаны, а вернее, даже и не тюльпаны. Творчество художника превратило их в какие-то фантастические цветы, теперь лишь отдаленно напоминавшие своих предков. И чем дольше я смотрел, тем больше хотелось смотреть, потому что ни один орнамент не повторял другой. Причем они не пестрели красками вразнобой, а плавно переходя от одного к другому, создавали цельную картину. Это было удивительно... Я взглянул на художника. Он стоял рядом с непроницаемым, почти равнодушным видом.

— Как вам все это удалось, Усмонбек? — вырвалось у меня.

— Голова есть, руки есть, чего еще надо? — пожал он плечами.

Меня такой ответ не удовлетворил, и я принялся задавать разные вопросы, пытаюсь постигнуть, вероятно, непостижимое. Возможно ли понять и описать, что такое вдохновение? Можно лишь отметить, что еще в детстве Усмон Мукаддасов отличался склонностью к рисованию, а в четвертом классе даже отважился расписать стены маленькой школы, в которой учился. Ему бы в какое-нибудь художественное училище, но тут грянула война... Фронт, битва за Киев и Житомир, тяжелое ранение в грудь и в ноги, госпиталь, снова армия — до победы. Он дрался далеко от родной Исфары,

но знал, что дерется в конечном счете за ее счастье. Он вернулся только в сорок шестом, и было уже не до учебы. Умер отец, и пришлось заботы о семье принять на свои плечи.

Он стал строителем, затем прорабом, хотя и здесь специального образования тоже не получил. Но детская мечта не погасла в его душе, тревожила, не давала покоя. В свободные часы он начал расписывать потолки своего дома. Орнаменты как бы сами собой рождались в воображении, что удивляло временами его самого. Он заполнял их чистыми, прозрачными красками, создавая праздник цвета, который всегда жил в его душе. Он стал писать талантливо, своеобразно, никому не подражая. О нем заговорили, стали приглашать для оформления клубов, кинотеатров, чайхан. Простой работы тоже не чурался, писал, когда попросят, вывески, плакаты. Мукаддасов приобрел известность и на шестом десятке лет стал художником-профессионалом...

Чайхану «Ором» он расписывал десять месяцев без перерыва. Это пока самая большая и сложная его работа. Потом он по приглашению Союза художников расписывал в Душанбе чайхану «Фарагат», но сам считает, что там было легче... Вместе с ним работали еще пятнадцать человек, но усто — мастер — был один, усто Мукаддасов. Он приходил рано утром, набрасывал карандашом орнамент, говорил, куда какую краску положить, и сам брал кисть в руки. Никаких предварительных эскизов и проб он не делал и не делает — все держит в голове.

И где он только берет краски для росписей? Возьмет немного у цветущего миндаля и яблоневых садов, у спелого урюка и синего неба, у закатного солнца, у луны, у спящего полдня, у бархатной ночи, у белого хлопка... Ах, какой же он богат! Он еще часть души своей, часть сердца вкладывает в каждый сверкающий мазок. И какая же большая, должно быть, у него душа...

ЦЕНА СКАЗКИ

Чем ближе к кишлаку Чорку, тем дальше отодвигаются и становятся недоступнее вершины. Дорога в Чорку — дорога к усто Сахибову, гончару, а по-таджикски кулолгару. С тех пор как однажды на выставке в Манеже я увидел блюдо для плова с синими пятнами узоров и подписью: «Усто Сахибов», — я лишился покоя.

В Манеже тогда было что посмотреть. Три с лишним тысячи народных умельцев из всех республик огромной страны блистали тут своим творчеством. Хоровод глиняных игрушек

тульской колхозницы Елены Карповой, прибалтийские подсвечники и напольные вазы, рязанские кувшины-квасники, таджикские пиалы, косы и то голубое блюдо для плова... Краски на нем чуть расплылись, это лишило роспись сухости, дало ей очарование и жизнь. Теперь я снова увидел блюдо в мастерской кулолгара, больше похожей на музейную комнату. В стенных нишах, как на параде, выстроились кувшинчики с глазком-зеркальцем, большие узкогорлые кувшины диковинных форм — хумы, пиалы, тарелочки, блюда, много блюд. (Время от времени полки пустеют. Посуду увозят в Душанбе, а оттуда дальше по всему свету. Имя усто Сахибова известно в Японии, Польше, ГДР, Болгарии, Чехословакии, Швеции...) На полу теснилась желтая, еще не обожженная и без росписи посуда — ждала своей очереди. Я стоял посреди этого глиняного великолепия, за моей спиной едва заметно улыбался Сафар Сахибов, усто...

В его роду все были гончарами. Прадед, дед, отец, дяди, братья. Улицу, на которой они жили, все называли не иначе, как Гончарной, хотя официально она именовалась по-другому. Азам гончарного мастерства Сафара учил когда-то старший брат Сайфеддин, с которым я познакомился тут же, в мастерской. Потом младший превзошел в мастерстве своего учителя, но работают они постоянно вместе, и оба одновременно несколько месяцев тому назад приняты в Союз художников СССР. Братья не делают изделий на поток. Каждая пиала, коса, тарелка, кувшин, блюдо (всего 35 видов посуды) отличаются друг от друга если не формой и размерами, то непременно орнаментом росписи, поэтому их можно рассматривать часами. При этом, я сам видел, роспись — почти всегда результат настроения, экспромт, удивляющий неожиданностями иногда и самих мастеров. Вот они сидят во внутреннем дворике на утреннем солнце в окружении чаш с красками. Движения их скупы, точны и, казалось бы, заранее рассчитаны. Но, смотрите, на чистом поле следующей тарелки возникает совсем другой узор.

Пришли из школы дети, побросали портфели и тоже уселись за роспись посуды, правда, пока под наблюдением старших. Так продолжают традиции.

Меня ведут подземными переходами и лазами, показывают разнокалиберные печи для обжига посуды, гончарный станок, мешки с темно-красной глиной — прозой, которую руки посвященных превращают в поэзию, ящики с красками, камни для их растирания, плетеное блюдо с пухом рогоза (пух добавляют в глиняное тесто, в печи он выгорит, образуя поры, которые укрепят и одновременно облегчат черепок). Мне хочется понять, как из ничего, «из праха», говоря словами мудрого Омара Хайяма, возникает сказка.

В гончарной печи плещется огонь. Кулолгары молча стоят рядом, заметно волнуются. Огонь — их союзник. Он заставит краску, приготовленную из окиси меди, вспыхнуть голубовато-зеленым цветом, марганец в зависимости от густоты раствора даст разные оттенки — от бледно-розового до почти черного, король цвета — кобальт загорится всеми оттенками лазури — от полуденного неба до полночного... Огонь — союзник гончаров, но, кто знает, всякое может случиться. Обжиг тоже неожиданность. Но вот, кажется, пора. Открывается дачная крышка, жаркие струи рвутся вверх. В горячем мареве поблескивает глазурью раскаленная, огненная посуда. Сказка.

— Сколько времени требует изготовление такого блюда для плова? — интересуюсь я, показывая не на самое крупное.

— Примерно двадцать дней, иногда больше. Одно блюдо за двадцать дней. Это цена сказки...

Исфара — кишлак Чорку.

Усмон Мукаддасов за работой. Ему помогает дочь Солиха.

На развороте вкладки:

Кувшин работы художника Сафара Сахибова.

Чайхану «Фарагат» в Душанбе расписывал Усмон Мукаддасов.

К 70-ЛЕТИЮ
ВИССАРИОНА САЯНОВА

РЕВОЛЮЦИИ ЗВОНКИЕ ТРУБЫ

Крупный поэт, автор романов и повестей, сотоварищ А. М. Горького по «Литературной учебе» и «Библиотеке поэта», наконец, редактор «Звезды», Саянов в годы Великой Отечественной войны стремился помочь Родине не только стихами. Как поэт, он начинал в двадцатые годы, и стихи его о служении с винтовкой и шашкой Советской власти были не только данью подвигу старших, но и заботой о боеготовности молодых. Эта забота заставила Саянова бросить университет и добровольцем уйти в армию. Однако и после службы он продолжал изучать военное дело. Не многим известно, что в ящиках его письменного стола рядом с рукописями новых стихов хранились учебники заочника военной академии.

Я хорошо знал Виссариона Михайловича, часто встречался с ним и все-таки, разбирая в Пушкинском доме архив писателя, всегда поражался многообразию его интересов, широте взглядов и тому

особому складу ума, который метко называется государственным.

Саянов был в числе тех первых литераторов, которые помогли старым большевикам оставить для потомков свои воспоминания об Ильиче. Он принял участие в создании летописи отечественной авиации и был редактором книги, посвященной истории Кировского завода. С трибуны Первого съезда писателей РСФСР прозвучало его предложение учредить Литературные премии имени Горького. Он ратовал за улучшение букинистической торговли и пропагандировал успехи советских ученых.

Его жажда знаний была беспредельна. Он изучал биологию и юриспруденцию, профессор Чураев приглашал его к себе в лабораторию. Саянов хорошо знал историю России и особенно историю ее литературы. Его книги — «Очерки по истории русской поэзии XX века», «От классиков

к современности», «Начала стиха» и многие другие — сыграли свою роль в научном оснащении молодой тогда советской поэзии.

Еще на заре поэтической юности, обращаясь к Отечеству и своим сверстникам — «ровесникам бури, сыновьям трудового народа», определяя свое место, он писал:

Барабанщиком ставь
В ряд большого пехотного строя.
Я учу тебя песням,
Выдай на руки нынче ж ружье,
Чтобы вместе с тобой
На просторы грядущего боя
На октябрьской заре
Пробивалось сердце мое.

Почетную, боевую службу стихи продолжают нести и после того, как перестало биться сердце человека, их написавшего. Самой революции трубы звучат в них чисто и высоко, укрепляя в новых поколениях читателей любовь к Отечеству, к его героическому прошлому, настоящему и будущему.

Дм. ХРЕНКОВ

К 70-ЛЕТИЮ
МИХАИЛА СВЕТЛОВА

ОБЛИК ПОЭТА

Он был поистине добрым волшебником, удивительный этот человек. Не потому, что свершал чудеса — потому что сам делился «всем своим запасом волшебства» и требовал, чтобы мы поступали так же. Ему были дороги все хорошие люди на земле, от крестьян дальней «Гренадской волости» до старушки, переходящей Невский, или заплаканной девочки, что «стоит» «где-то на краю стихотворенья». Он жил в ежесекундной готовности прийти на выручку: «Я — как скорая помощь, которая вот-вот успеет».

И не был при этом добреньким — был именно добрым, наполненным тем высоким чувством любви к людям, которое заставляло убивать врага, ибо «нет справедливости справедливее пули моей!».

Таким был не только поэт Светлов, автор прекрасных книг, а просто тот Михаил Аркадьевич, который так уютно сидит рядом, сыплет пепел себе на пиджак и, забавно прищурясь, говорит: «мальчик мой...». Не существовали отдельно человек и поэт, был неповторим своей поэтической, гражданской, житейской цельностью Михаил Светлов.

Даже если когда-нибудь его воплотят в камне или бронзе, сам он не может стать памятником. И я сейчас не боюсь оскорбить или как-нибудь измелчить память о нем, приведя некоторые бытовые мелочи. Пусть они крохотные, но это черты его облика.

Я встречаю Светлова на зимней московской улице в виде

«дачного мужа» — в руках две авоськи с картошкой, какие-то кульки (торчит рыбий хвост), разнокалиберные свертки.

— Идемте вместе! — зовет он меня. — Художник М. вчера сыграл свадьбу, а сегодня они одиноко сидят в огромной холодной мастерской... Им будет приятно, если мы зайдем...

Вернувшись с целинного Алтая, мы оба написали по пьесе: Светлов — «С новым счастьем!», я — «Товарищи романтики». Некоторые места из светловской пьесы я с упоением цитировал всем и всюду. Например, у него приезжает на целину романтически настроенный, милый, домашний юноша. Бывалый парень язвительно спрашивает у него: «И ты, мол, за славой?» «Нет, я за Клавой», — смущенно отвечает юноша. Так вот, Светлов просит дать ему почитать мою пьесу. Я жду его оценки с понятной робостью.

— Понимаете, мальчик мой, — чуть тянет он по телефону, — если взять все лучшее, что есть у вас, и все лучшее, что у меня, была бы одна неплохая пьеса...

Светлов иногда обижался, но тихо и про себя. И выражал обиду по-своему. Однажды — это было в дни юбилея великого Леонардо да Винчи, отмеченного всемирно, — кто-то и как-то задел поэта, впрочем, Светлову это скорее показалось. Один из товарищей пытался «поднять» ему настроение, причем сделал это весьма коряво. «Вы, автор знаменитой «Гренады»...» — начал он. Ми-

хаил Аркадьевич не слишком любил, когда все его творчество сводили к одной «Гренаде».

— Старик, это было так давно, что мне кажется, будто меня уже зовут Гренгда да Винчи...

И был грустен весь вечер.

Я не помню, в какой таре приносил свои дары Гарун аль Рашид, Деду Морозу положен мешок, а у Светлова была авоська. Она, если можно так выразиться, очень шла к нему.

Июль. Жарко. Мы — несколько друзей — усаживаемся в моторку: нам ехать за Солнечную Поляну, километров пятьдесят по каналу Москва — Волга в деревню Юрьево, где Светлов поселился у какого-то инвалида и уговаривает нас устроиться по соседству.

Авоська доброго волшебника на сей раз наполнена флакон-

чиками духов, плитками шоколада, засунут сверток с какими-то салфеточками.

— Мужиков там два инвалида и мальчик-пастух, — рассказывает Светлов. Дело было в конце первого послевоенного десятилетия. — Одни женщины и все далеко не амазонки.

По пути в Юрьево застряли мы на дебаркадере «Солнечная Поляна». Там служил начальником дебаркадера отставной морской офицер, инвалид войны Леонид Кузьмич, — конечно же, замечательный парень и уже один из лучших друзей Светлова. Ему нужны были какие-то срочные советы, и... словом, мы задержались у Кузьмича до глубокой ночи.

А среди ночи стал причаливать заблудший пароходик. Напрасно Кузьмич звал каких-то Васька и Петра, те давно растворились в непроглядной тьме июльской ночи. Мы подскочили к борту дебаркадера, Кузьмич замахал фонарем и заорал:

— Светлов — на корму, Соболев — на нос. Светлов, трамтарарам, хватай чалку!

Михаил Аркадьевич старательно исполнял все команды. Пароход был пришвартован по всем правилам.

Почему-то именно тогда я вспомнил, что месяц назад мы весело отметили пятидесятилетие Светлова. И если бы кто-нибудь сказал, что «двадцать лет спустя», говоря о нем, я стану произносить слово «был», — я бы ни за что в это не поверил...

Марк СОБОЛЬ

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА VII

«...Все массовые случаи лесных пожаров, а также отдельные крупные лесные пожары рассматривать как чрезвычайные происшествия...»
Из постановления Совета Министров РСФСР от 9 июня 1959 года «Об усилении борьбы с лесными пожарами».

«№ 12 действует пл. 6400/2600 га...»

Из сводки о лесных пожарах.

Вениамин Красноштанов, не обнаружив дома ни детей, ни жены (он считал, что Лену уже вывезли в Буньское), послонялся по избе и, шастая от дома к дому, добрался до новостройки базы экспедиции.

Тут его и повстречал Аксентьев, начальник партии.

— Ты Красноштанов, что ли?

— Он.

— Это твоё зимовье на Чоке...

— Ну?

— Ты, говорят, парень, все это время там один работал?

— Ну?

— Чего нукаешь? Языка, что ли, нету? — рассердился Аксентьев.

— А он у меня, язык-то, пересох на жару, — осклабился Вениамин. — Сухой, говорю, язык-то, не пошевельнешь.

— А ну зайди. — Аксентьев провел Вениamina в дом, где жил, усадил к столу, вынул бутылку спирта. — Расскажи, как все было. — Налил полный стакан Вениамину, плеснул в свой.

— Как было? Обыкновенно. Оно понятно — пожар. Разве все расскажешь? — И, снова осклабившись белыми напухшими деснами, спросил: — А те чо услышать-то хотелось?

— Слышал я, вроде ты говорил, что огонь к зимовью-то с тылу пришел. То есть не с левого берега, где поначалу горело, а с правого.

— Точно, с тылу. Чего ему с левого-то приходило? Я его с левого-то не пустил. Унял я его. Погасил. То есть там, где работал, то есть окарауливал, значит, я...

— Так, так...

— Да ты, начальник, не тачь. Язык, говорю, больно сухой с пожаров-то.

Чокнулись. Вениамин выпил залпом, закусил холодным мясом, хариусками, аккуратно надкусил подвинутый к нему огурец — деликатес, невиданный на Авлакан-реке в такую пору. Поглядел с надеждой на бутылку; Аксентьев решительно отодвинул ее.

— Ешь. Да рассказывай. Расскажешь — дело впереди.

Вениамин хитро прищурился, громко отрыгнул и, проведя рукою по толстым, влажным губам, сказал заговорщически:

— Понято. Выходит, я один свидетель. Оно верно — один. Полные права имею, поскольку боролся с огнем один на один четверо суток. Меня даже, парень, удар нагнал. Вот оно что выходит. И вот что я тебе расскажу как на духу. Хочешь?

Аксентьев всем корпусом подался к Красноштанову:

— Говори...

— Погодь. А что я с того буду иметь?

Аксентьев смутился, замешкался с ответом, что-то забормотал невнятное.

— Нет, ты погодь, парень. Я ведь такое могу сказать, от которого вся эта эпомпея-то другую характеристику приобретет. А? Я могу по правде-то с вас эту ответственность, парень, снять.

— Это как?

— А вот так, что все, что вы зажгли, мы потушили. Все, что за Чоккой, — это ваше. Все, что сюда прет и на многие места полыхает, — не ваше.

— Как так? — Аксентьев весь напрягся.

— А вот так!

— Так говори...

— А что мне за это будет? То есть за правду? Ты сам, парень, подумай, зачем мне ее говорить-то, правду? Зачем грех на душу перед людьми брать? Своих вроде бы топить! Вас выручать. А?

— Да ты говори, говори! Рассчитаемся потом...

— Потом, парень, суп с котом, а я люблю с говядиной.

— Ну, что ты хочешь? — Аксентьев встал, нервно прошел из угла в угол по комнате. Сейчас боролись в нем две силы: одна — взять за шиворот этого уже начавшего хмелеть грузного, с тяжелым лицом, с мокрыми губами и улыбкой, обнажающей белые вспухшие десны, взять этого мужика за шиворот и потребовать говорить правду. Но другое чувство подсказывало, что надо пойти на все просьбы, будто бы не понимая, к чему клонит Красноштанов. «Ведь был там, черт такой, знает, как делали проходки шурфов. Про пожиги знает... Про все...»

Вениамин следил за начальником партии, провожал его из угла в угол поворотом головы.

— Что ты хочешь? — наконец спросил Аксентьев.

— Денег. — Вениамин, не мигая, с улыбкой глядя в глаза и подняв руку, перебирал большим и указательным пальцами.

«А вдруг подослан? Вдруг посадить хотят? Выгони! Выгони его к чертовой бабушке. Пусть все будет так, как есть! Пусть! Ответить по закону, ответишь, Аксентьев! Выгони!» Аксентьев остановился, близко подойдя к Вениамину, оглаживая длинной, бледной рукой гладко выбритый подбородок.

— Сколько?

— Триста, — выпалил Вениамин. Минуту назад он вовсе не думал о деньгах, надеясь только на хорошее угощение и внимание ученых людей. Он с таким же успехом мог бы назвать вместо трехсот рублей и четвертной, и десять, и даже четыре двенадцать. — Я ведь, парень, видел, как парашютисты-то, перепугавшись, встречный пал с мысочка пустили, а он возьми да и пойдя сюда, за Чоку. Это ведь подле то-

го островка, куда меня тыловой пожар загнал? А там-то, за рекой, только дымочки да гарь пустая была, там огня не было. Гарь-то окарауливать нас Ручьев послал. А тот огонь, что к Восточным шиверам пошел, тоже загас. А пожарные напугались, что перебросит его на мысочек-то и запалили, чтобы, дескать, не перекинул. Я все видел. Я тому свидетель.

— Написать сможешь?

— Смогу. Почему бы не смочь? — Вениамин ничего не говорил о деньгах, испугавшись своей выходки. Он готов был сейчас и за так наговорить все, что захотят.

— Подпишешь свое заявление?

— А то как же!

— А еще свидетели есть?

— Не... Я один там был... Можя, моя баба еще...

— Так. А если наши видели? Могли?

— Могли. Почему же не могли? — радуясь, что начальник вступил с ним в разговор и не выгнал взащей, с готовностью сказал Вениамин.

— Погоди. — Аксентьев вышел из комнаты, забрав бутылку со спиртом, щелкнул в замочной скважине ключ.

Вениамин заерзал на стуле: дело принимало серьезный оборот.

— Сколько просит? — Хаенко поднял бледное, измученное болезнью лицо. Он никак не мог прийти в себя после полета.

— Триста.

— Дай, черт с ним! Все одно в дерьме по горло сидим. Дай!

И встал с кровати и заходил нервно, совсем так же, как Аксентьев, там, перед Красноштановым, из угла в угол. Подбежал к стене, где висела карта работ, быстро отчеркнул длинным ногтем мизинца квадрат на карте.

— Выходит, это все — что по нашей вине? — Хаенко снова отсек ногтем квадратик. — А вот это, — он положил на карту ладонь и повел ее вниз, к Буньскому, — и вот это — все не наше.

Ловко! Дай, черт с ним. И скажи Ниночке, пускай сделает мне кальку пожара. Все, что за Чоккой, по левому берегу, надо затушевать в синий цвет — наше. Все, что по правому, — в красный — их. Понял?

— Да.

— Ну, дай, дай, черт с ним. Мы еще поборемся... Ты что стоишь?

— У меня нет таких денег.

— А, черт... Значит, так. Нас трое: ты, я и Екатерина Федоровна. По сотне.

Екатерина Федоровна, жена Ефимова, работала главным бухгалтером экспедиции.

— Понимаешь, только трое. И дальше — ша. И этому тоже. Понял? Ну, свидетелю чтоб ни ни о деньгах.

— Я думаю, что может быть несколько свидетелей.

— Кто? — Хаенко отвернулся от Аксентьева и смотрел в окно.

— Сам Ефимов...

— Годится.

— Копырев...

— Это тот, что ли?.. Поджигатель?..
— Да.
— Как он?
— Хорошо. Еще есть у Ефимова свой парень в бригаде, там на месте оставался, не улетал к шиверам.
— Так.
— А там и из народца кое-кто найдется. Дыма-то без огня не бывает.
— Думаешь?
— Это уж как водится...

— Тут, что ли, подписаться-то?— спросил Вениамин.

— Да подписывайся, где знаешь.
— Ну, ладно.— Вениамин, измучившись и вспотев над бумагой, поставил размашистую подпись и аккуратно, оттопырив языком щеку, в скобках по-печатному разъяснил: «Красноштанов Вениамин Евгеньевич».

Аксентьев взял листки, долго читал их: нагородил тут Вениамин порядком, но изложил все достаточно логично и убедительно.

— Послушай и запомни. Я сейчас вслух прочту.

Вениамин сидел растерянный, выпятив губы, и о чем-то думал, уставившись глазами в закуску. Аксентьев налил ему стакан, повторил:

— Вслух прочту, чтобы запомнил.— И, подчеркивая каждое слово, сказал:— Тебе же за это перед судом ответ держать надо.

— Чего это мне читать? Все правда была, и так помню,— вдруг озлился Вениамин, и его злость понравилась Аксентьеву.

Он плеснул спирта себе в стакан, положил перед Вениамином деньги.

— Давай, за наше дело!

Увидев деньги, Вениамин вздрогнул, побледнел и отодвинул ладонью от себя пачку.

— Бери, бери.— Аксентьев поднялся, сунул деньги в карман брезентовой куртки Вениамин, тот было хотел вынуть пачку, но, опустив руку в карман, почему-то зажал ее в кулак и кулак прижал так, что затрещали нитки на брезентухе.

Выпил.

«Сяду, ей-ей, сяду,— подумал Вениамин.— Вот влип.— Но спирт уже начал действовать, расслабляя волю, но вместе с тем веселя душу.— Эх, была не была».

— Давай еще помалу, начальник!

Аксентьев достал непочатую бутылку, подумал: «Нет, не пойдет на попятную. Испугается! Трус! Пьянь подкопытная!..»

Когда неверным шагом, держа в кармане все так же кулак, возвращался к себе домой Вениамин, Буньское уже захватила волна паники. Пьяному то и дело попадались навстречу куда-то бегущие и что-то кричащие люди. Вениамин на них не обращал никакого внимания. Он шел, спотыкаясь, глупо улыбался и пел одно и то же: «Шумел-горел пожар московский...» Старухи, встречаясь с ним, шарахались к заплотам, ведь он уже был «испепелен, превращен в прах и даже косточки его сгорели там, за Чоккой, откуда шел на село пожар, который спалил уже не одного Венюку в тайге, но и многих других мужиков и даже батальон солдат вместе с самолетом, на котором те прилетели...» У слуха пазух широкий!

Вениамин был пьян и ничего не боялся, он видел себя героем, остановившим на Чоке огонь.

Похмелье, а вместе с ним и страх пришли на следующее утро, когда он, проспавшись, обнаружил в кармане триста рублей. По-прежнему не было дома ни жены, ни детей. Он уже знал, что дети живут у соседей, это бывало часто в их жизни, и он привык к этому. Но о Лене не знал ничего, и это как-то мешало ему. Что-то не так было в душе, и он раздражался, сделавшись сразу хмурым. От выпитого — а выпил вчера немало — голова не болела, и это тоже выходило из ряда вон и мешало. «А тут еще эти деньги. Черт попутал потащиться на новостройку. Мог бы и в селе найти что выпить. Ну, а теперь вот влип».

Он ни на мгновение не позволил себе подумать о том, чтобы вернуть Аксентьеву деньги и потребовать назад свои показания. Признаться во лжи, в том, что за эту ложь Вениамин Красноштанов (а он себя считал личностью в селе) взял деньги, нет, это было выше его сил. «Что делать? Что делать? С деньгами разом сядешь! Где взял? Кто дал? Заработал? Накопил? С каких же доходов? Была у кобеля хата, дождь прошел, она сгорела...»

Измучившись донельзя, Вениамин вынул из пачки червонец и, сунув остальные деньги под матрац, выбежал вон.

Он спешил по улице к магазину, страхась, что продажу водки по случаю пожара запретили. Так оно и было. Мало того, вокруг не было ни души, на всех учреждениях висели замки, и ставни домов закрыты. Он не знал, что еще вечером, вызванный в райцентр с Юктукона, Ручьев унял в селе панику, а ночью все жители, кто мог держать в руках хотя бы лопату, ушли в тайгу.

В селе было дымно. Солнце не проглядывалось через черную мглу, и Вениамин вдруг понял, что не видел солнца с того самого дня, когда занялся огонь на сопке. Солнце жгло и жарило, оно было, и вместе с тем его не было. Кутаясь в облаках густого, все прибывающего дыма, оно стало невидимым. Едва различимое, мутное пятно плыло над миром.

У районной милиции на крылечке сидел в форменной фуражке и тосковал Чироня. Еще год назад начальник райотдела майор Глохлов в воспитательных целях забрал Чироню на работу в милицию, сначала конюхом, а потом, когда мужик положительно проявил себя, рядовым при камере предварительного заключения. Чироня был бос, сапоги, густо смазанные солидолом, стояли рядом, а он сам был занят чисткой личного оружия — старого, давно положенного к списанию револьвера. Пробегая мимо, Вениамин остановился и поинтересовался:

— Ты чо, паря, тут сидишь?

— Я-то, положим, наряд нес. А ты какого хрена в селе, когда весь народ в тайге?— И, вдруг приподнявшись, погрозил кулаком:— Ты у меня гляди, не балуйся!

— Ладно, ладно, чо брешешь-то, парень!..

— А то гляди — мигом! Места в капэз много.

— Иди ты...— И Вениамин побежал дальше, поднимая сапогами пыль.

— Гага¹,— плюнул вслед Чироня и покачал головой.

В проулке, что вел к дому, Вениамин неожиданно лицом к лицу столкнулся с Ручьевым.

— Вы почему не на пожаре?— Не здороваясь, Ручьев ухватил Вениамин за плечо.

¹ Гага — пустой человек (обл.).

— Я жену за реку по ягоду везти должен,— выпалил Вениамин и сам ужаснулся своей лжи: «Какие ягоды? Где жена?»

— Что?!— Ручьев не то чтобы спросил, он выдохнул из себя.— Что? Что?

— Я это... Понимаете...— Вениамин не находил слов.— Я болен был.

— Марш на пожар! На порт! И с первым же вертолетом на кромку! Ясно?

— Так точно.

— На передовую марш!

Вениамин бросился бегом прочь от Ручьева, вихрем пролетел мимо Чирони, который только и успел разинуть рот, чтобы крикнуть вдогонку, но не крикнул, а снова покачал головой и снова плюнул:

— Бешаный.

Уже подбегая к аэропорту, Вениамин вдруг вспомнил о деньгах. Он остановился, подобрался весь, словно кобеленок, облитый помоями на чужой помойке, и снова кинулся бежать, но теперь уже к дому.

Дома он собрал по углам сор, принес из дровяника мелкую щепу, куски бересты, запалил на загнетке огонь и разом, расшерепив, сбросил в него деньги. Только после того, когда прогорела ленивым синим огнем последняя купюра, когда сгреб пепел и выбросил его в грядку на огороде, Вениамин обрел неожиданно спокойствие духа.

Он неторопливо вышел на улицу, прикрыл дверь, по-хозяйски накинул цепочку на запор, закурил и шагом уставшего и не совсем здорового человека пошел к порту.

В порту заполучил водовозку, без труда подменив стремящегося на кромку огня человека, и разом закричал на лошадь, замахал вожжами. Водовозка, гремя пустой бочкой, покатила по улицам Буньского к Авлакан-реке. На береговом спуске он снова встретился с Ручьевым и, улыбаясь всем лицом, приветствовал секретаря райкома.

— Здравствуйте, Иван Иванович!

Ручьев улыбнулся и прошел мимо. Вениамин в эту минуту искренне считал себя главной фигурой на пожаре. А через час, легко восстановив из разговоров вчерашнее, как унимал Ручьев панику, как выступал по радио, сам Вениамин уже покрикивал на старух, подающих на водовозку ведра:

— Поспешай, поспешай, бабоньки!— И добавлял важно:— Все на пожар! Буньское в опасности...

— Господи,— рассказывала дородная старуха, по сельскому прозвищу «Курья».— Когда зашумели, дескать, ратуйте, люди, горим, спасения не будет, жинулася, бабы, я в избу. Все-то по́том нажито. Намахала узел-то на горбину и к реке. Бегу. А тут как раз случился Иван Иванович. Да как зыкнет на меня: «Ты куда это, старая Курья, собралась?! А ну на пожар маршем!» Я, бабоньки, узел-то посереде улицы бросила, юбку в руки — и ну на порт. А там уже распределения идут, кто куда. Назначили меня на воду. Черпаю я реку, а сама все думаю: «Господи, добро-то посереде села валется». Душа-то вот как изболелась. И говорю я нашей бригадирше Агриппине: «Агриппинушка,— говорю,— отпусти ты меня, бога ради, на сю минуту, да избы мне добычь надо». «Беги,— говорит Агриппинушка,— дай бог ей здоровья! — да только,— говорит,— быстрее». Побегла я. Лежит мой узел-то посереде улицы, и вокруг него кобели вьются, да все ноги задирают. Тыфу, подлые! Агу их! Агу! Подбегла я, бабоньки, к добру-то своему. Хаать узел, а он ни с места. Не то что нести его, бабоньки, мне не под силу, но и от земли-то злов нет оторвать. А ведь я его по горячке-то злов куды уперла, чрез три проулка да одну улку. Не могу стронуть, аж слезы из глаз...

— Поспешай, поспешай, бабоньки!

— А ты не гони, Опаленный!

— Право так.

— Слышь, бабы, говорили: Вениамин-то до косточек сгорел, а он, вишь, нами уже командует.

— Нарастил мясо-то, Опаленный!

— Где бабу, лучше скажь, потерял-то, ока-анный?

— Разговорчики, разговорчики, бабы! Вам бы с мое на острове, середь огня помучиться, привязали бы языки!

— И то, пострадал мужик...

«...Мы прибыли на берег Чоки в начале июля, разбили лагерь, стали готовиться ставить геодезическую вышку. Пятого числа бригадир Ефимов послал меня рыть яму для ориентировочного знака. Я уж по ним специалист стал. Отошел на 250 метров, выбрал место. Пошел за Ефимовым: «Проверьте. Так? Не так?» Он пошел, проверил, сказал: «Правильно». Я стал копать. Метра полтора выкопал, а там вечная мерзлота начинается. Ну, я, чтобы полегче было копать-то, разжег костер. А сам за второй шурф принялся. Да, прежде сел передохнуть, понурить. Сигарету загасил, чтоб искорки не было. Сушь стояла в ту пору страшная. А тут повар стал кричать на ужин. Я пошел. Ефимову не сказал, что костер разложил в яме...»

Из допроса подозреваемого Копырева.

Копырев не удивился тому, что его снова звали:

— Копырев! Копырев! Сюда давай!

Вот так уже трижды вызывали его к следователю, маленькому, очень подвижному человеку, с плоским, широким лицом, похожим на глиняное блюдо. Рябчук, так звали следователя, слушал Копырева молча и почти не задавал вопросов, склонив голову набок и часто-часто моргая небольшими глазками в густой, но совершенно белой опуши ресниц. И брови у следователя были белыми, и редкая поросль вокруг крупной плечи тоже была белой.

Рябчук слушал Копырева, как бы делая ему одолжение, его словно бы и не интересовал рассказ, потому что он якобы знал уже все наперед из того, что скажет допрашиваемый. И каждый раз, выслушав Копырева, следователь тяжело вздыхал, доставал из потрепанной полевой сумки бумагу, ручку и до надоедливости не спеша заполнял протокол допроса.

— Прочтите и подпишите, — говорил он каким-то безразличным голосом и совал в руки Копыреву бумагу вместе с синей, во многих местах потрескавшейся авторучкой.

Плохо разбирая почерк следователя, Копырев кое-как читал протокол допроса, ставил свою подпись, и Рябчук каждый раз говорил:

— Пока... — он делал паузу, — пока можете быть свободны.

Закончив последний допрос, Рябчук, внимательно глянув в лицо Копыреву, будто только сейчас увидел его, сказал:

— Ну, парень, кажется, тебе крышка. Пока... — снова привычная пауза, — пока будь свободен.

На каждом из допросов Копырев подробно рассказывал о дне, предшествующем пожару, о том, как увидел огонь, как тушили они его, как рубили просеку. По поводу произведенного пожига говорил, что сделал его сам, по собственной инициативе. Тут он неизменно добавлял: «Как огонь в шурфе разжег, никто не видел. Я скрытно, в утайку». И каждый раз в этом месте Рябчук как бы невзначай ронял: «Шила в мешке не утаишь».

На последних двух допросах к уже рассказанному Копырев добавлял, что виновным считает себя только в пожаре, возникшем на левом берегу Чоки. Так посоветовал говорить ему Ефимов, и он так и говорил, подразумевая под этим, что пожар, возникший за Чоккой, был погашен, а вот этот новый, страшный, разлившийся огненным лаводком по тайге, произошел уже по вине самих пожарных.

Копыреву до противного было валить вину на других. И он никогда не сделал бы этого, если бы Ефимов не убедил его, что пожарных все равно не накажут. С них и спрашивать не будут, а вину с экспедиции снимут. Что же подделаешь? Лес сгоревший не вернуть, а к чему еще и страдать людям, к примеру, ему — Ефимову. Другое дело, если бы надо было пострадать за людей.

Вчера с патрульного вертолета сообщили, что в верховьях ручья Дюдикан огонь закольцевал отряд геологов. В отряде две девушки и мужчина. Вывезти их вертолетом невозможно. Копырев только услышал об этом, не задумываясь, вызвался идти на помощь к геологам. Впятером они прорвались через огненное кольцо. От жары на голове трещали волосы и начинала тлеть одежда, но «экспедиторов» все-таки вывели. Уже когда огненный вал остался позади, и они все вместе брели по малой воде Дюдикана, одна девушка потеряла сознание. И они понесли ее поочередно на руках. Когда девушку нес Копырев, она на короткое время пришла в сознание, непонимающе посмотрела в его глаза, скривила губы, и боль-

шая слезинка скатилась по ее щеке и упала на его руку. Он долго ощущал эту теплую капельку на своей коже, а сердце его жгла какая-то неутешная жалость не просто к этой вот девушке, а ко всем людям. К людям, которые казались ему такими беззащитными и слабыми.

— Устал? — спросил его кто-то из ребят. — Давай понесу.

— Нет, не надо. Я не устал, — сказал Копырев, с трудом переводя дыхание и прижимая к себе беспомощное тело.

Они остановились отдохнуть у озера. Он бережно опустил свою ношу на траву, стянул с себя гимнастерку и подложил ее под голову больной.

После отдыха снова вызвался нести девушку.

— Смотри-ка, с виду ты вроде бы и ничего особенного, а, гляди-ка, какой приемистый, — сказал тот, что должен был сменить Копырева. — Давай! Давай мне ее!

— Нет. Я еще понесу.

Так и нес до самого лагеря.

В лагере к нему подошел Ефимов.

— Напрасно рискуешь, Ваня. Не поймут.

— Так ведь я, Сергей Петрович, я ведь не почему-то там...

— Я не о том. Тебя, наверное, арестуют, так вот один-то не теряйся. Как держался до этого, так и держись.

— Как арестуют? Зачем? Ведь тут вон каждый человек на счету! — недоумевал Копырев.

— Могут арестовать. Так ты помни, уговор наш помни. — И, наклонившись к самому уху, доверительно прошептал: — Мы твоих детей, твою семью не оставим. Это точно!..

— Копырев! Копырев! Давай сюда! — кричали на просеке, и он шел на этот голос, готовясь снова рассказать все, как было, маленькому человечку с большой лысиной, который всем своим видом показывал, что этот рассказ вовсе не интересен и не нужен ему. Но вместо Рябчука увидел Копырев начальника милиции Глохлова, он уже хорошо его знал — Глохлов руководил тушением пожара на том же участке, где работал Копырев, и рядом с начальником милиции увидел сухонького человека с испитым лицом, в прожженной стезжанке, наброшенной поверх гимнастерки. На верткой, как у нырка, голове человечка смешно, как-то задиристо сидела милицмейская фуражка.

— Копырев Иван Терентьевич? — спросил Глохлов, хотя прекрасно уже знал Копырева и сам дважды снимал с него допросы, и это очень удивило.

— Да.

— Вы арестованы, Копырев Иван Терентьевич. Вот ордер. Вы обвиняетесь в поджоге леса в районе лесного квадрата В-12 и будете препровождены в камеру предварительного заключения райотдела милиции! Вам ясно? — Все это Глохлов говорил каким-то деревянным голосом, словно боясь ошибиться. Так неуспевающий ученик торопится высказать заученное наизусть.

— Да. — Копырев растерянно огляделся. Вокруг, побросав работу, стояли люди и глядели на него с любопытством и вместе с тем уже с какой-то отрешенностью. Он, Копырев, перестал для них быть просто человеком, работавшим рядом, так что все только диву давались: «Ну и работяга!» Он был для них уже тем, кто стоит где-то за гранью, обособленно от всех, он был правонарушителем, арестованным. И, ощутив это, Копырев вдруг сразу сгорбил, втянул голову в плечи, будто ожидая удара сзади, как-то униженно согнул колени и осторожно положил на землю топор, которым до сих пор работал с того первого дня пожара; инструмент стал как бы продолжением его рук, его мечущейся, ищущей оправдания души. И вот он вынужден расстаться с ним. Его лишают возможности искупить свою вину трудом, вот сейчас здесь, на тушении этого страшного пожара.

Зачем его арестовывать? Разве он собирался бежать куда-нибудь? Разве сейчас вот тут, в тайге, не на счету каждый человек, даже после того, как прыгнули на помощь солдаты? Он должен и понесет наказание, но зачем лишать его возможности сделать все, чтобы как-то, хотя бы в малой степени искупить вину трудом? Зачем?

— Возьмите ваши личные вещи, — сказал

Глохлов, и Копырев бездумно пошел в тыл, к лагерю, сопровождаемый человеком в милицмейской фуражке.

— Давай поживей, что ли? — сказал тот то ли грубовато, то ли сожалеючи. Копырев не понял и прибавил шаг.

А навстречу им уже спешил Ефимов.

— Что, арестовали? — спросил, набегая и протягивая вещевой мешок Копырева. — Вот тут весь твой багаж, Иван. Я тебе махорки четыре пачки туда положил, «Прибою» две. Все, что надо будет, принесем туда... — поспешно и сбивчиво говорил Ефимов, словно бы и обнимая Копырева.

От этого неожиданного внимания, от заботы, которую мало знал в своей жизни, от взволнованного голоса у Копырева защемило глаза и сердце забилося где-то у самого горла.

— Спасибо, спасибо вам... — И, чтобы скрыть подступившие слезы, закашлялся, а потом начал сморкаться, дым и впрямь выжимал слезу и першил в горле.

— С арестованными говорить не положено! — фальцетом выкрикнул сопровождающий и тоже закашлялся.

Но случившиеся тут и смотревшие на них люди вдруг разом зашумели:

— Брось, Чироня, дурить! Тоже мне ене-рал Застежкин. Дай людям попрощаться-то. Что, не человек, что ли?

— Да не, я ничего! Только вот запрещено по закону-то... — оправдывался конвоир.

— Давно ли, Чироня, законы-то блюдешь?! Ишь ты — государственный...

Летели вместе с той девушкой, которую выносил из огня Копырев, — она лежала на носилках бледная, с закрытыми глазами. Был в вертолете еще человек, крупноголовый, чуть лысоватый, почти совсем седой, невысокий и полноватый. Был он похож на кого-то, кого очень давно встречал Копырев в своей жизни. Об этом и думал он всю дорогу, глядя в широкую спину, обтянутую брезентухой, густо замазанной сажой и смолой. Да иногда в утайку взглядывал на девушку, надеясь увидеть ее глаза. Но девушка то ли спала, то ли опять была без сознания. Она не открыла глаза даже тогда, когда Копырев помогал выносить носилки из вертолета и, поставив их в «Скорую помощь», поправил сползшее суконное одеяло. А ему так хотелось увидеть ее глаза, хотя бы так же, как там, в тайге, накоротке, когда слеза ее упала ему на руку. Копыреву казалось, что взгляни она сейчас на него — и что-то большое и важное совершится в его жизни. Уже когда ее увезли, он понял, что видел в ней свое далекое-далекое воспоминание...

— Кто это был с нами в вертолете? — спросил Копырев конвоира Чироню, когда шли они донельзя знакомыми улицами районного села, чтобы только не молчать.

— Ручьев Иван Иванович, секретарь райкома, — ответил Чироня. — Он на вас, поджигателей, смотреть не может. Вишь, какой сердитый был.

«Ручьев!..» Копырев остановился, мигом узнав и эту дорогу с порта и эти сосны, которые тогда были до плеч ему, а теперь вон вымахали под самое небо, узнал улицу, правда, на ней поубавилось деревьев и выросло много новых домов, так, что вплотную двор ко двору.

Как же он мог забыть и про название села — Буньское! Сладкой грустью, некогда потерянным навсегда и вдруг нечаянно встреченным сжало сердце. Конечно, если бы они залетели в район с базы, ведь база их экспедиции тут, в Бунском, он, конечно бы, узнал все и всех бы разыскал, но вышли они в тайгу на работу в этот район совсем с другого, Валхонского края, а зачем ему, рабочему Копыреву, было интересоваться, в каком это Бунское, может быть, и не то, в котором был он двадцать лет назад. Да, да, двадцать...

Тогда он только-только познакомился с Фаиной. Они встречались с полгода, прежде чем Копырев решился признаться ей в своей любви. Фаина была на два года старше. Блудная, выслушала его сбивчивую, торопливую речь и вдруг зарыдала, упала ему на грудь, обвила шею руками и стала целовать страстно, испуганно в глаза, губы, лоб, шею. И он, вдруг разом поборов свою стеснительность, свою робость, ощутил себя мужчиной, властно привлек к себе впервые женщину и стал жадно

мать ее тело в своих здоровых руках, стал целовать ее, безумя от счастья нерастроченной силы.

А потом спустя месяц Фаина провожала Копырева в тайгу.

— Не трать зря денег и береги себя,— сказала на прощание.

Тогда, двадцать лет назад, приехал в Бунское Копырев и сразу же встретился с Ручьевым. Тот только что прилетел в район и был назначен от райкома к ним на лесоповал инспектором...

Чироня привел Копырева в КПЗ — бревенчатое строение, обнесенное снаружи трехметровым забором из горбыля, а внутри поделенное на клетушки с зарешеченными дверьми.

— И на кой ляд тебя сажают?— открывая одну из клетушек, недоумевал Чироня.— Вроде бы не душегубец ты, не похожее. А вот теперь мучайся с тобой тут. Даже баба моя, Матрена Андронитовна, на пожаре, а я должен при тебе, как кобель при конуре, содержаться. Заходи!— И пропустил Копырева в камеру.

Потом, долго чертыхаясь, никак не мог закрыть дверь на замок и наконец решил по-своему:

— Я, паря, тебя всяким замком замкну. Есть у меня на анбаре.

Амбара у Чирони в действительности не было, жил он, переехав из Неги, в казенной квартирешке, но сказал это так, для солидности.

— Значит, так, ты пока сиди тута незапертый, а я за замком схожу.

Вернулся он не скоро, весело сообщил:

— Значит, на харч тебя определил. Поскольку столовая не работает по случаю осадного положения, будешь харчиться при детских яслях. Вот так. А теперя, паря, я тебя стричь бу-

ду.— И развел руками:— Нече, паря, не сделаешь, такой закон. Ты не сумлевайся, я по этому делу шибко натерел.— И снова ушел, объяснив:— За машинкой пойду.

Вернулся Копырев домой уже поздней весной, когда вскрылись и прошли реки. Вернулся с лесосплавом, не теряя зря времени на дорогу. Деньги плотогонам тоже платили немалые. К радости Фаины и к его изумлению, расчет, который окончательно произвели с ним на лесозаводе, оказался настолько внушительным, что можно было широко и пожить с этими деньгами.

Они поженились. Первенец — девочка принесла много радости и хлопот. Копырев никогда не думал, что в нем может быть столько заботы, столько любви к крохотному существу. Он мог часами баюкаться с дочкой, стирал пеленки, вставал по ночам на плач, сам варил каши и кормил с ложечки, сюсюкая при этом:

— Ой-ой-сю-синь-ки нас сю-нинь-ки. Кусай-кусай.

Так прожили они два года. Пожалуй, самые лучшие из всей жизни Копырева, если не считать того коротенького времени, словно бы высвеченного солнцем и луною Севера. Об этом времени Копырев старался как бы нарочно забыть, не возвращаться к нему, и это сначала получалось, но потом воспоминания стали приходить чаще, совсем неожиданно, они нет-нет да вдруг тревожили его. И тогда он ощущал в своем сердце какую-то пустоту, словно бы было в нем еще место для чего-то необычного и большего, но для чего — он не мог понять. И поэтому старался заполнить свое сердце Фаиной, но получалось так, что в сердце все равно оставалось место. И тогда он мо-

лил Фаину родить ему ребенка. Он чувствовал в себе столько любви, что от ощущения этого ему становилось как-то не по себе, и тогда он вспоминал и вспоминал тайгу, белый полог Авлакан-реки, звезды, шум вешней воды, и все это вмещалось в одно имя, в одного человека, которого наперекор времени он не мог забыть и которого, как это ни страшно, вспоминал, когда ласкал свою жену ли, ребенка ли.

Одно время он был готов снова собраться в дорогу, но Фаина вдруг сказала ему, что беременна, и он надолго и совсем забыл то, что терзало и жгло его. Родились двойняшки. Они заполнили сердце все без остатка, и он жил ими и для них, казалось, не замечал вокруг ничего другого, кроме своего Саньки и своей Таньки. Копырев к тому времени ушел с завода. Фаина постоянно донимала его жалобами на нехватку денег. Ушел работать в шахту и скоро — в работе он был всегда не последним — добился высокого разряда.

Жизнь его, до этого раздираемая мелкими скандалами (Фаина упрекала его в безденежье, в том, что не может, как люди, содержать семью), теперь вроде бы и наладилась. Заработок был хороший, да и ребята, особенно двое близняшек, подросли и как бы свели и связали двух не очень-то ладивших между собой людей.

И было бы у них, вероятно, все хорошо и дальше, если бы не закрылась шахта. Вот тогда Копырев и ушел работать в экспедицию. «Тогда все и началось», — думал Копырев, убеждая себя в этом и в то же время где-то глубоко в душе понимая, что обманывает, сам себя обманывает: все началось гораздо раньше...

Продолжение следует.

ПЕСНЯ ВЕЧ

На улице Неждановой, в самом центре столицы, стоит непривычная для сегодняшней Москвы тишина. Легкий ветерок запутался в верхушках старых деревьев. Предвечернее солнце, мирно освещая величавые кроны, вдруг как бы выхватывает из сумерек мемориальную надпись. А вот еще одна... И еще... Человека, впервые сюда попавшего, поразит все это. Здесь жили великие артисты — Качалов, Голованов, Мейерхольд, Обухова, Берсенев, Гельцер, Леонидов; художники — Федоровский, Шадр... Здесь же, в доме № 7, была последняя квартира Антонины Васильевны Неждановой.

Что значит для каждого из нас ее имя! Десятки созданных образов! Сотни пропетых арий и романсов!.. Нет, не только это! В Неждановой совместились художественное, творческое совершенство и плодотворная духовность нашего народа. Голос Неждановой — наша неувядающая слава.

Сегодня исполняется сто лет со дня рождения Антонины Васильевны.

Снова в музее. Ах, как еще его зовут, вокально-творческом кабинете имени А. В. Неждановой пришедшие сюда люди услышат ее неповторимое пение. И покажется, что время повернулось вспять... Покажется, пусть на мгновение, что хозяйка сама принимает бесчисленных своих гостей в собственной квартире, бережно хранящей долгие годы память о ней...

Здесь все осталось так же, как было и при ее жизни. Любимые вещи... Среди них — часы. Каждый час повторяется мелодия курантов ярославского кремля... Оригиналы картин Нестерова, братьев Васнецовых... Может, только большее количество фотографий Неждановой выставлено сегодня на рояле, да пухлая книга отзывов лежит на столе...

Все, кому уже довелось посетить прекрасный музей и кому только еще предстоит эта духовная радость, найдут в отзывах и фотографиях живой образ человека, певицы, художника Неждановой. И как бы вочию увидят всю ее жизнь, услышат заново песню чудную. И вечную...

НАЯ...

1 Крепкая и долготелая дружба связывала Нежданову с Н. С. Станиславским.

2 В 1917 году состоялась премьера оперы Сергея Прокофьева «Любовь и три апельсина». В главной партии выступила Нежданова, дирижировал Н. С. Голованов (на фото слева). Вот они — все трое — в ложе Большого театра. (1915 год)

3 Джильда — коронный номер многих представительниц итальянского бель-канто, таких, как Адельна Патти, Амелита Галли-Курчи, Тоти Далль Монте, Мария Рус... И как же нужно было слезь Нежданову, чтобы не только стать вровень с ними, но заслужить название «русской Джильды»!.. Здесь мы видим Нежданову с ее знаменитым партнером Титта Руффо.

4 Партию Царевны из оперы Римского-Корсакова «Нашей бессмертной» Нежданова пела, как родную народную песню... Фотография, запечатлевшая в этой роли актрису, хранит гармонию созданного ею образа... Крупнейший художник Павел Корин, однажды увидев снимок, воскликнул: «Боже мой, как она по-русски деринит руны!» Тут — высокая оценка артистической достоверности актрисы...

5 Нежданова, Держинская и Обухова... Им довелось и на сцене быть вместе. В опере «Снегурочка», оформленной известным художником и блестящим театральным декоратором Константином Коровиным, Нежданова пела главную партию, Обухова — красавицу Весну, Держинская (на фото слева) — Купаву...

6 Двадцать восьмью апреля 1903 года москвичи впервые услышали Нежданову в опере «Фауст» Гуно. С той поры партия Маргариты становится одной из любимых в репертуаре великой артистки, ее героини всегда сопутствовал успех: публика требовала снова и снова пропеть «Балладу о Фульском короле» или повторить арию «С жемчугом»...

КАКОЙ ОНА БЫЛА...

П. НОРЦОВ,
народный артист РСФСР,
профессор

А

нтонина Васильевна Нежданова... Ее имя, вместе с именами Шаляпина и Собинова золотыми буквами вписано в историю русского вокального исполнительского искусства: это они утвердили во всем мире русскую вокальную школу, заложившую Глинкой.

Родилась Нежданова на Украине, близ Одессы, в деревне Кривая Балка, где ее отец и мать были учителями сельской народной школы. В своих воспоминаниях Антонина Васильевна пишет:

«Я помню себя с трехлетнего возраста. С самого раннего детства я страстно любила музыку, пение, танцы, легко запоминала слышанные мелодии и затем целые дни распевала их...»

Как отец, так и мать обладали хорошим голосом, музыкальными способностями, прекрасным слухом, хорошо пели нетрудные вокальные произведения, старинные романсы, русские и украинские песни.

«Вся наша семья — я, сестра и два брата — была голосистой, все дети отличались красивыми голосами и музыкальными способностями».

«Моему музыкальному развитию способствовало с детства близкое соприкосновение с народом».

В Кривой Балке жители были преимущественно украинцы, говорили на украинском языке, прекрасно пели свои народные песни, которые я с восторгом слушала, а затем сама с ними пела».

Детство, проведенное среди чудесной южнорусской природы, непосредственное общение с простым народом не только вызвали душевное тяготение к песне, к музыке, но и развили феноменальные способности будущей великой артистки, оказав к тому же влияние и на формирование ее высоких нравственных качеств. Необычайная скромность и простота были присущи Антонине Васильевне как в жизни, так и на сцене, а в правдивой простоте исполнительского ее мастерства были величие и глубина...

Впервые я услышал Антонину Васильевну в сезон 1925/26 года в Большом театре, где она пела весь сопрановый репертуар.

Меня в Неждановой поражало все: ее дивное, неповторимое звучание, ее необычайный тонкий артистизм... Уже немолодая, по-русски крупная женщина, она умела силой своего огромного таланта буквально перевоплощаться на сцене, создавая изумительные вокально-сценические образы юных героинь — Снегу-

рочки, Людмилы, Джульетты, Параси в «Сорочинской ярмарке», Марфы в «Царской невесте», Принцессы в «Любви к трем апельсинам», Волховы в «Садко»...

Правдивость, искренность исполнения были так велики, что слушатель и зритель, попадая под обаяние артистки, воспринимали каждый образ только таким, каким создавала его Нежданова.

Народная артистка СССР Варвара Николаевна Рыжова, игравшая на сцене Малого театра, пишет о Неждановой в своих воспоминаниях:

«Когда я увидела ее в первый раз (это было в «Травиате»), меня поразило вначале только ее голос, показавшийся мне каким-то «неземным» по своей чистоте и нежности; мне даже трудно было в первые минуты следить за содержанием оперы: так покорили меня эти волшебные звуки».

Но вслед за тем меня захватил и глубочайший драматизм ее исполнения... Я знала, что эту роль Нежданова прошла с Марией Николаевной Ермоловой.

Мне было известно, что Ермолова дала ей совет отойти от трафаретной трактовки этой роли... Следуя именно этому совету, Нежданова явилась перед нами Виолеттой, совершенно лишенной легкомыслия и вульгарности, Виолеттой, томящейся неосознанной жадной большой, истинной любви. Такое понимание образа в сочетании с поразительной способностью перевоплощаться, в сочетании с дивным голосом и вокальным мастерством певицы дало результат, который бесконечно превосшел все мои ожидания. Не могу забыть... как она превосходно проводила всю последнюю сцену последнего акта. Я потеряла тогда ощущение театра: передо мной, казалось, была подлинная жизнь, реальная, потрясающая душу картина умирания в расцвете молодости, женственности и любви. Такой образ Виолетты могла создать только артистка, продолжавшая лучшие, благороднейшие традиции русского театра. Нежданова была именно такой артисткой.

Ее искусство было мне дорого любовью ко всему русскому: к русской природе, к русскому человеку, к русской музыке и к прекрасному русскому слову... Опера Римского-Корсакова, поэтичная «весенняя сказка» Островского, была нровно близка ее русской душе, которая трепетно отзывалась на все прекрасное. Вот почему был так пленителен образ Снегурочки, в который певица воплощалась с таким предельным совершенством, что казалась со сцены маленькой, «хрупкой девочкой».

На мою долю выпало счастье быть исполнителем партии Жермона в «Травиате». И помню, что я точно так же терял «ощущение театра», слушая Нежданову — Виолетту...

Выступления Неждановой и Собинова в спектаклях Большого театра всегда вызывали у

нас, всех остальных участников, чувство особенно высокой ответственности... Но вот, удивительно, встретившись с Виолеттой — Неждановой, я — Жермон, выходя во втором акте оперы на сцену, вдруг совершенно забывал свое волнение!.. Забывал, что передо мной моя партнерша — великая певица и артистка Нежданова. Я видел молодую, страдающую женщину, верил ее любви к Альфреду, искренне воспринимал ее признания и ее слезы... Я был полон живого сочувствия, и мне стоило большого труда требовать от нее разлуки с Альфредом... Появляясь на сцене грозным обличителем, я уходил, покоренный чистотой души несчастной, одинокой женщины... Прощаясь, я с глубоким уважением целовал ей руку...

Ко времени прихода А. В. Неждановой в Большой театр Ф. И. Шаляпин и Л. В. Собинов совершили подлинный переворот старых устоев в понимании и создании оперного спектакля. Они смело утверждали новые реалистические традиции оперного театра... В Большом театре было много хороших певиц с прекрасными голосами и отличной вокальной техникой, но до Неждановой ни одна из них не могла стать достойной соратницей великих новаторов и реформаторов русского оперного искусства.

Такую соратницу Собинов и Шаляпин нашли в Неждановой.

Создалась знаменитая триада, на весь мир прославившая русское вокально-исполнительское и оперное искусство.

Сила таланта, сила творчества А. В. Неждановой заключались в том, что ее дивной красоты чарующий голос, необычайная музыкальность, виртуозная вокальная техника и большая актерская одаренность всегда служили ей для глубокого проникновения и раскрытия образов музыкального произведения и в оперных спектаклях и в камерном исполнительстве.

Антонина Васильевна была истинно русской артисткой, верной дочерью народа и Родины... На многочисленные предложения зарубежных гастролей она отвечала неизменным отказом.

Даже Сергею Дягилеву, пропагандировавшему в течение многих лет в Париже русское оперное и балетное искусство, она отказала в участии в поставленной им опере Римского-Корсакова «Золотой петушок». Буржуазно-эстетствующий характер деятельности Дягилева был чужд демократическим взглядам на искусство, которые утверждала Нежданова. Она не принимала новаторских поисков Дягилева, которые, кстати сказать, в опере «Золотой петушок» выразились в том, что на сцене танцевал балет, а певцы пели, сидя между музыкантами оркестра...

Единственный раз, в 1912 году, Антонина Васильевна ездила на спектакли в Париж. В «Гранд-опера» она спела Джильду в опере Верди «Риголетто». Партнерами ее были прославленные певцы Карузо и Титта Руффо... Однако парижские газеты писали, что успех русской певицы превзошел успех ее знаменитых партнеров.

Отдавая любимому искусству всю жизнь, Антонина Васильевна с самой юности не была чужда общественно-демократическим устремлениям и интересам. Не раз выступала она в пользу, как тогда говорилось, «недостаточных» курсисток и студентов, а также в пользу домов престарелых артистов...

С первых же дней Октябрьской революции артистка оказалась одной из постоянных участниц концертов-митингов; выступала на фабриках и заводах, в военных частях, в железнодорожных депо... Люди труда с восторгом принимали близкое и понятное им, глубоко народное искусство великой артистки.

8 сентября 1924 года Антонина Васильевна была участницей первого в Советском Союзе радиоконцерта. После этого она стала большой энтузиасткой и постоянной исполнительницей концертов на радио.

В годы войны народная артистка СССР, лауреат Государственной премии, доктор искусствования, профессор А. В. Нежданова преподавала основы вокального мастерства в Московской консерватории... Несмотря на всемирную известность и славу, на всеобщее уважение и поклонение, она сохранила до последних дней жизни свою удивительную скромность и простоту. Всех, кто с ней соприкасался, поражала и покоряла неизменная доброжелательность ее и сердечность...

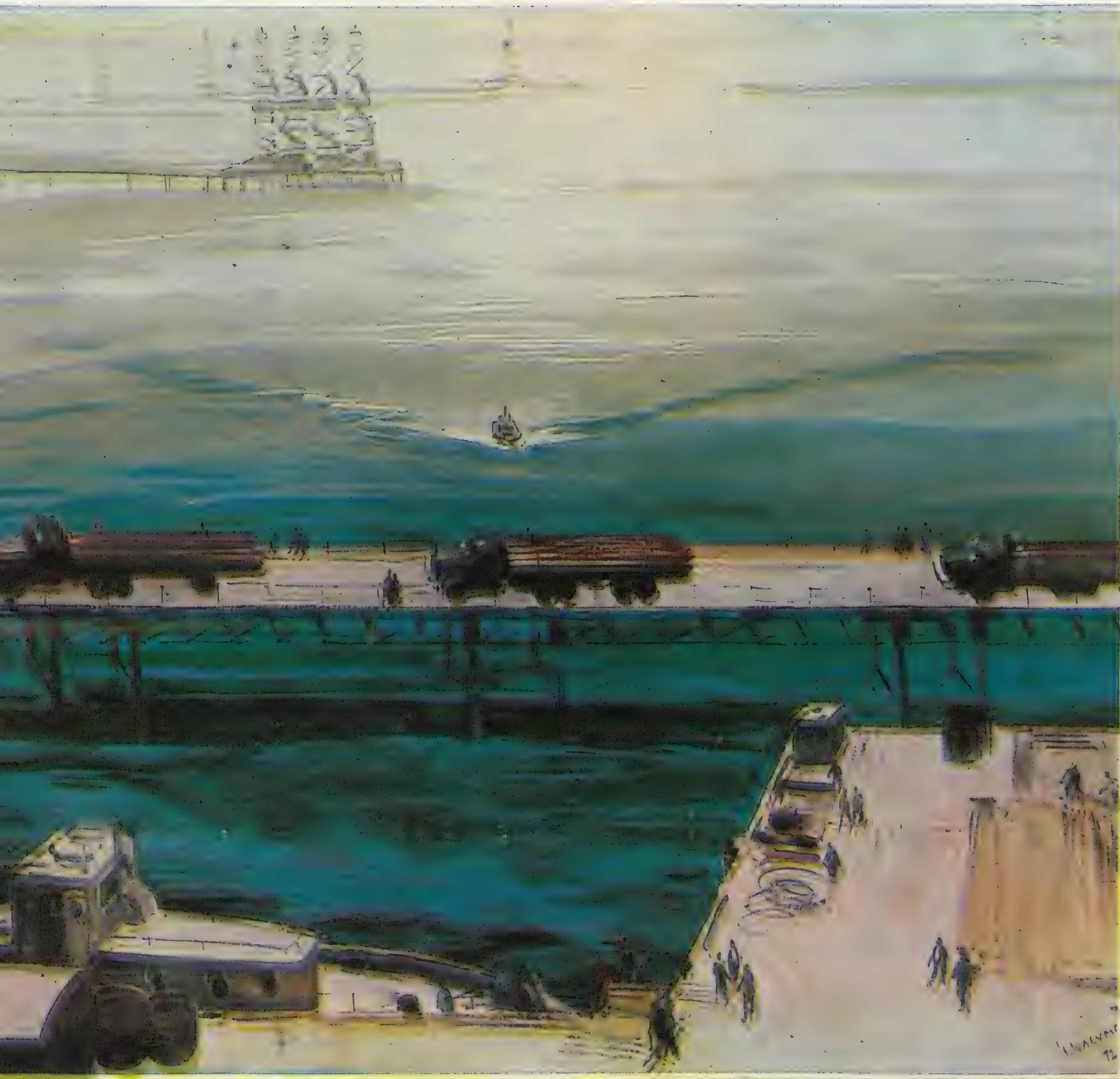

О. Савостюк, Б. Успенский (Москва). НА ПОСТУ.

Бессоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

ГРАНИЦА.

Н. Касумов (Баку). УТРЕННИЙ РЕЙС.

ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ПОДВИГ

Ал. ДЫМШИЦ

Уже несколько лет ведет Александр Чаковский свое многотомное повествование о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Повествование ведется неторопливо... Вот и в 4-й книге романа автор охватывает события всего двух месяцев, но каких месяцев! Эти месяцы — октябрь и ноябрь 41-го года. И уже самое их содержание, самая их наполненность событиями, имевшими огромное значение в общем ходе войны и в ходе ленинградской обороны, придают неторопливому письму А. Чаковского и внутреннюю динамичность и острый драматизм.

Новая книга «Блокады» не случайно открывается эпизодами, показывающими Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в разговорах с посланцами США и Великобритании — Гарриманом и Бивербруком, в беседах-исповедях Верховного с самим собой и с другом юности, в работе — у карты и у телефонов, в общении с вызванным с Ленинградского фронта в Москву генералом Г. К. Жуковым и с направляемым в осажденный Ленинград начальником артиллерии Красной Армии генералом Н. Н. Вороновым... В этих эпизодах одновременно и экспозиция и панорама, введение в действие и «обзор» состояния фронтов под Москвой и под Ленинградом.

С самого начала 4-й книги романа с непреклонной ясностью видно, что оборона Ленинграда находилась в органической зависимости от общего хода боев с гитлеровцами, и в частности от положения дел на фронте под Москвой. Положение это было грозным, над страной нависала смертельная опасность, и Ленинград, один из форпостов сражающейся Советской страны, принял на себя страшные удары, но сковал огромные силы врага.

Не захватив Ленинград с ходу, гитлеровцы перешли к осаде, приступили к окружению города двойным кольцом, принялись терзать население бомбежками и обстрелами, душить его костлявой рукой голода. Такая методика была личным изобретением Гитлера — об этом А. Чаковский рассказывает в сцене встречи фашистского фюрера с фон Леебом, командовавшим осадой Ленинграда.

Эпопею сражающегося Ленинграда А. Чаковский пишет обстоятельно, словно летописец, повествуя почти о каждом героическом дне. Перед нами Смольный — сердце города, его партийной организации, штаб его обороны, Военный совет фронта, пытающийся пробить брешь в кольце осады, осуществить план деблокаживания города-фронта. Перед нами воины стрелкового батальона и спешившие моряки, рвущиеся через Неву на левобережный плацдарм, чтобы с этого легендарного маленького «невского пятачка» прорвать фашистское кольцо и выйти на соединение с войсками Красной Армии, находящимися вне кольца. Мы видим город, расстреливаемый вражескими бомбами и снарядами, мучимый голодом. Видим его испытанный партийный актив, его славный рабочий класс, его трудовую интеллигенцию — отважных людей, не знавших страха, не щадивших своей крови и жизни, творивших чудеса, работая на оборону...

Для того, чтобы написать роман «Блокада», его автору пришлось проделать немалую работу историка, исследователя документов и

фактов. Эта работа выполнена им и широко и углубленно — она заслуживает всяческих похвал. Но Александр Чаковский не только художник-историк. Он во многом еще и мемуарист, лично свидетельствующий о героических подвигах ленинградцев. Писатель был в блокадном Ленинграде, он побывал в нем как военный корреспондент Волховского фронта, участвовал в обороне великого города.

Убежден, что именно этим в большой мере определен в романе его не только точный, но и эмоционально-прочувствованный колорит, что именно этим объясняется и живописная верность деталей, связанных с изображением характеров героев и условий ленинградской блокадной жизни-борьбы. Это обстоятельство особенно ощутимо для того, кто познал блокаду, кто участвовал в ленинградской эпопее. В самом деле, читаешь роман, и кажется, что ты снова видишь улицы города с углами, превращенными в огневые точки, с защитными досками магазинными помещениями, снова слышишь стук метронома или свист бомб, ощущаешь руками стены затемненных помещений, вновь переживаешь давно минувшие сцены в госпиталях и бомбоубежищах, едешь по так называемой «белой дороге» в Морозовку под Шлиссельбургом или южнее, по направлению к ГЭС и рабочим поселкам...

На мое читательское восприятие многие сцены 4-й книги «Блокады» произвели сильнейшее впечатление. Мне трудно воспринимать их, отвлекаясь от воспоминаний, не могу уйти из-под власти памяти. Вот уже свыше трех десятилетий прошло с тех пор, с того времени, о котором пишет А. Чаковский, но для того, кто участвовал в обороне Ленинграда все 900 блокадных суток, события этой поры остаются вечно живыми и незабываемыми. Убежден, что о ряде эпизодов, воссозданных писателем, многие участники тех далеких уже событий воскликнут: «Да, было так!»

Осенью — зимой 41-го я еще не видел воочию «невский пятачок», в ту пору я служил в армии, стоявшей на Карельском перешейке. Но с какой живостью и силой вернула мою память к реальным событиям, связанным с ним, история одного из героев А. Чаковского — комбата Владимира Суровцева, направляемого именно туда, на невское левобережье, и радостно идущего навстречу суровому испытанию! Помню, именно в том самом октябре 41-го, вместе с фронтовым другом и товарищем, поэтом и офицером Ильей Авраменко (совсем недавно ушедшим из жизни) видели мы в одном из полков нашей армии — в полку майора Лакшина — солдат и офицеров, которых готовили к битве на левобережном плацдарме. Каждый из них рвался в бой, каждый жаждал нанести удар по врагу, никто не задумывался о смертельной угрозе, все как один желали участвовать в освобождении города.

Кому из ленфронтовцев, кому из горожан-ленинградцев не памятно то огромное впечатление, которое произвело торжественное заседание, речь Верховного Главнокомандующего и парад войск в Москве в честь XXIV годовщины Великого Октября! «Живет Москва! Сражается Москва!» — этими словами приветствовали друг друга ленфронтовцы и ленинградцы. Мы, офицеры Ленфронта, стремились довести до каждого воина — вплоть до полевого охранения — слова надежды и уверенности, произнесенные в Москве.

Кировский завод, его ветераны и его моло-

дежь... Прекрасно написал об этих героях А. Чаковский. Оказавшиеся на переднем крае обороны города, яростно обстреливаемые врагом, измученные голодом, истощенные, едва живые, трудились они для фронта, не уступая ни в чем противнику, падая только под ударами беспощадной смерти. И снова не могу уйти от воспоминаний...

Чуть позднее, в декабре 41-го и в начале января 42-го, был я на Кировском заводе и видел таких людей, как герои А. Чаковского — старый Королев или юный Савельев, — видел такие эпизоды и таких людей, которые принадлежат эпической летописи народной славы и о которых мне с поистине впечатляющей силой напомнил роман «Блокада». Шатаясь от голода и стужи, рабочие стояли у станков, на места павших приходили их друзья и родные... В момент обстрела завода его временный директор запрашивал ответного огня у другого завода, — и с «Русского дизеля» отвечали фашистам, стрелявшим по Кировскому заводу, артиллеристы с набережной Фокина...

Да, многое подтвердит в романе А. Чаковского память участников Ленинградской обороны. Но дело не только в основательности и точности исторической и, я сказал бы, историко-психологической базы этого романа. Дело и в том, что роман «Блокада» — талантливое художественное произведение и что благодаря этому его историко-познавательная и социально-воспитательная функции достигают своего высокого эффекта.

Как художник, Александр Чаковский умеет отлично сплавлять воедино, в целостное художественное повествование достоверную хронику и творческий домysel, — в его романе рядом с живо воспроизведенными историческими лицами (А. А. Жданов, генерал Федюнинский, наркомторг РСФСР Павлов, ведавший продовольственным снабжением города, и многие другие), ярко вырисовываются образы персонажей, созданных авторским воображением. От книги к книге образы таких персонажей становятся все более убедительными, обретают кровь и плоть, выступают как сильные характеры. Это равно относится и к профессору Валицкому, и к старому большевику Королеву, и к медсестре Вере, и к майору Звягинцеву...

Образ последнего возникает на заключительных страницах 4-й книги романа. Мы видим его в боях за Волхов, в боях отчаянных и победных. Волхов отстояли... Это важное событие совпало с наступлением армии генерала Мерецкова на захваченный фашистами Тихвин, с успешной подготовкой Ладожской ледовой трассы... Роман-хроника А. Чаковского останавливается — до новой книги — именно на этих событиях. Он останавливается перед новым историческим рубежом, перед новым этапом в истории священной, освободительной войны советского народа — разгромом гитлеровских полчищ под Москвой.

Художественное повествование о блокаде, о трагедии и героизме, о муках, подвигах и славе защитников Ленинграда — это повествование, которое Александр Чаковский ведет правдиво и талантливо, — увлекает читателей. В нем история выступает в своем значении — и как правда о прошлом, которое незабываемо, и как живая традиция, и как свидетельство минувшего, и мудрое поучение. Она учит познанию могущества, всемогущества советского народа, окрыленного коммунистическими идеями и идеалами.

ДРУЖБА МОЯ

Ашот АРЗУМАНЯН

Вся жизнь Адмирала флота Советского Союза, Героя Советского Союза И. С. Исакова — пример беззаветного служения нашей Родине, делу коммунизма, партии.

И. С. Исаков начал военно-морскую службу в 1914 году.

С первых дней Великого Октября он находился в рядах Красного Флота. В годы интервенции и гражданской войны Иван Степанович активно участвовал в боевых действиях на Балтийском море, на Волге и Каспии. Много сил и энергии отдал И. С. Исаков делу строительства Советского Военно-Морского Флота. В период Великой Отечественной войны И. С. Исаков, находясь на посту первого заместителя народного комиссара ВМФ, умело руководил многими боевыми операциями флотов и флотилий, успешно осуществлял взаимодействие сил флота с сухопутными войсками и авиацией.

Адмирал флота И. С. Исаков был дружен с известным писателем-моряком Всеволодом Вишневским. Особенно укрепились эти отношения в годы Великой Отечественной войны. В предлагаемых фрагментах книги «Адмирал» писателя Ашота Арзуманяна, выходящей вскоре в Ереване, описана эта дружба, новыми чертами дополняются образы двух замечательных сынов нашей Родины.

Автор публикуемого отрывка Ашот Мартиросович Арзуманян, которому недавно исполнилось 60 лет, известен читателям по книгам «Мальчик из Санаина», «Тайна булата», «Око Бюракана» и другим.

1946 год. Я шел по Лаврушинскому переулку и вскоре оказался у входной двери квартиры Вишневского. Когда мне открыли, в передней бросилась в глаза вешалка, на которой красовались пальто, белый шарф, флотская фуражка с золотыми дубовыми листьями. Через минуту навстречу вышел приземистый, коренастый Всеволод Витальевич — писатель-моряк, в самом обычном гражданском пиджаке. Он приветливо пригласил в кабинет.

Всеволод Вишневский сел за стол и, прижав подбородок к груди, урывками глядел на меня...

— Я же прошу написать не роман или повесть, — повторил я, — а очерк для сборника «Дружба», где авторами выступают видные представители России и Армении. Это очерк о вашем давнем друге, бывшем гардемарине царского флота, командире «Кобчика» в гражданскую войну, прославленном «военморе» революции. Кому же, как не вам, должна быть по душе такая просьба?

Мне показалось, что Вишневский не слушает, а думает о чем-то своем. Вдруг он в упор посмотрел на меня и вымолвил одно-единственное слово:

— Боюсь.

— Чего?

— Боюсь критики Исакова. Он сам прекрасно пишет.

— Научные труды, приказы и распоряжения?

— Не только. Много лет назад в каюте по моей просьбе Иван Степанович прочитал несколько страниц из дневника. «Это же готовый рассказ для издания!» — воскликнул я. «Спасибо за добрые слова. Всяких любопытных историй о флотской жизни у меня много, но они нуждаются в тщательной обработке. А времени у меня ни капли, вы знаете», — ответил тогда он.

Я напомнил Вишневскому короткую запись из его же дневника тридцать шестого года: «Неужели судьба моя: вечно война, о войне, о крови, уничтожении всего живого, о смерти...».

— Вы, конечно, помните и разговор с одним вашим другом о сером пиджаке как некоем символе мирной жизни. Вы мечтали о том времени, когда в Лаврушинском снимете с гвоздика пиджак и влезете в него.

— Да, было такое.

— Теперь война кончилась. О жизни, о том, как многократно побеждал смерть Исаков, о мужественной правде и напишите. Вы были очевидцем блокады Ленинграда, сражались сами, видели, как руководил прокладыванием «Дороги жизни» Исаков. Не так ли?

Сделав на листке бумаги какую-то короткую запись, Вишневский взглянул на меня:

— Попробую.

Насупленный Вишневский вдруг как-то повеселел. С удовольствием начал вспоминать эпизоды из жизни флота и адмирала. И полилась беседа...

...Теперь надо было встретиться с самим героем очерка.

Откровенно признаюсь, предстоящая встреча с адмиралом Исаковым несколько беспокоила меня: получится ли откровенный разговор...

В условленный час за мной в гостиницу «Москва» приехал адъютант адмирала Соколов на черной машине «ЗИС-110».

...Эпизоды из жизни прославленного флотоводца Страны Советов проходили перед моими глазами, навеянные недавно состоявшейся встречей с Всеволодом Вишневским. Меткие, лаконичные мьсли писателя запомнились почти со стенографической точностью.

Война кончилась. Но разве можно остановить неумолимый, необъятный бег памяти? В разговоре Вишневский, коснувшись проблемы создания большого флота, заметил:

— История поставила нас лицом к лицу с морскими державами. Это должно было дать толчок. Работа уже шла, конструкторы думали... Хотя в Генеральном штабе некоторые противники флота говорили, что, мол, моряки только красивую форму носят... Но корабли строились. Создание большого флота прервала Великая Отечественная война.

В марте 1943 года Вишневский после шумной и радостной встречи со своим старым другом А. А. Александровым, начальником штаба Ладжской военной флотилии, пригласил его к себе в гости. Пили чай, беседовали. Вишневский узнал, что адмирал И. С. Исаков был ранен осколком под Туапсе. Сейчас он в Тбилиси.

— Огорчен, — сказал писатель. — Какой это блестящий человек и работник!

А потом им было получено письмо от замнаркома Военно-Морского Флота И. С. Исакова, очень теплое, дружеское.

Мысли об Исакове и Вишневском переплетаются, нарушая хроник событий.

Ранней осенью сорок первого года Вишневский в Кронштадте. Он напутствует матросов, уходящих на передовые позиции к Ленинграду, он обращается к ним с проникновенным словом комиссара, вдохновляя тех, кто через полчаса вступит в бой с врагом. Комиссары батальонов морской пехоты звонят в Военный совет и требуют Вишневского. И он снова и снова провожает матросов...

Писатель-комиссар, писатель-агитатор... Очевидцы рассказывали, что ленинградские женщины плакали, услышав по радио выступления Вишневского...

Именно в эту тревожную пору сорок первого года в Ленинграде и Кронштадте адмирал И. С. Исаков руководил оперативной деятельностью Военно-Морских Сил северо-западного направления, то есть Балтийского флота и Ладжской военной флотилии, — был заместителем главнокомандующего северо-западным направлением в центре боевых операций на Балтике. Немцы превосходили силами и на суше, и на море, и в воздухе. Владея финскими портами и базами, они ставили под угрозу всю систему базирования Краснознаменного Балтийского флота.

Из рассказов друзей Исакова я знал, что он на заре своей морской жизни восхищался адмиралом Нельсоном. Этот мужественный человек, изувеченный войной, продолжал служить. В пору крылатых мечтаний не думал мичман Ваня Исаков, что, уже будучи адмиралом, в годы Отечественной войны лишится левой ноги и после лечения в госпитале останется в строю на высоком посту первого заместителя наркома Военно-Морского Флота СССР.

...Мысли обгоняли одна другую. Между тем машина остановилась на улице Серафимовича, у темно-серого здания, что напротив Каменного моста. Вместе с Александром Ивановичем Соколовым я последовал в подъезд. Лифт поднял нас на девятый этаж. Было начало апреля. Адмирала мы застали за письменным столом в легкой кремовой сорочке без галстука. Сделав усилие, он поднялся навстречу.

Завязалась непринужденная беседа. Иван Степанович расспрашивал об Армении и очень обрадовался, когда узнал, что для полной сохранности древних рукописей в Ереване строится специальное здание: ученые наконец получают возможность изучать редкие манускрипты и пролить свет на события давно минувших веков.

Сам адмирал с готовностью рассказывал о родном Нагорном Карабахе, о деде Егоре Тер-Исакяне, портрет которого висел над тахтой, об отце Степане Егоровиче — известном во всей округе дорожном технике.

Адмирал сказал, что ему трудно сидеть в кресле, и, извинившись, перешел на тахту. Беседа он продолжал полулежа. Повседневным трудом на работе и дома поддерживал в себе силу духа, ясность ума этот удивительной судьбы человек, который после тяжелого ранения раз десять попадал в объятия смерти, и, казалось, безвозвратно. Не случайны строки, написанные им Вишневскому: «Потерял ногу, но не потерял головы».

...Я подробно рассказал Ивану Степановичу о своем замысле создания сборника «Дружба», куда, кроме моего труда «Из истории армяно-русских связей», будут включены статьи, исследования, очерки, высказывания крупнейших представителей культуры и науки прошлого и настоящего. Тема дружбы раскрывается в судьбах лучших сынов обоих народов.

— Поэтому автором очерка о вас, — добавил я, — должен быть человек, хорошо знающий вашу деятельность.

— У меня много неосуществленных замыслов. Рановато еще подводить итог.

— Очерк расскажет, что уже сделано вами

СКАЯ

для Военно-Морского Флота, для страны. Моя просьба — назвать автора, который мог бы взяться за такой труд.

— Вы, наверное, сами понимаете, сколь щедротливо такое предложение. Я категорически отказываюсь помочь вам.

— В таком случае я назову автора, который готов написать, если, конечно, с вашей стороны не будет возражений.

— Кого вы имеете в виду?

— Вишневого.

— Он хорошо знает наше дело. У меня с ним давно установились дружеские отношения. Против авторства Вишневого, разумеется, я не возражаю. Но я вообще против того, чтобы меня включали в этот труд как персону.

— И все же было бы неправомерно рассказывать о недавней Отечественной войне и обойти молчанием моряков, вас.

— Ну, хорошо. Идея ваша со сборником мне понравилась. Желаю удачи. Только прошу меня не отвлекать от дела.

Проходили дни, месяцы. С Вишневым я поддерживал телефонную связь. Время от времени встречались у него в Лаврушинском переулке. Однажды Всеволод Витальевич сказал, что для завершения очерка у него не хватает каких-то документов. В кабинете при этом разговоре находилась жена писателя Софья Касьяновна.

— Так надо же не созерцать, а действовать. Сроки, тобою же назначенные, давно нарушены. Она подошла к машинке с вложенным листом, стала перебирать уже напечатанные страницы очерка. — Я сама попрошу Исакова, чтобы тебе подбросили материалы, если твоя работа зависит только от этого.

— Зачем такие чрезвычайные меры, Софья Касьяновна? — сказал я. — На днях я буду у адмирала и попытаюсь выпросить необходимые материалы.

— Нет, нет. Ни в коем случае! Не надо его беспокоить. Он по горло занят. Я знаю.

...Наконец Всеволод Витальевич снял с машинки последнюю страницу очерка об Исакове, прочел, внес поправки, подписал, поставил дату — 1947 год.

— Очерк покажете Исакову сами. Я рано утром срочно вылетаю, — сказал он.

Через несколько дней Исаков принял меня дома. Он отказался читать очерк, но я продолжал настаивать. Тогда он быстро перелистал странички и нахмурился.

— Не нравится? — осторожно спросил я.

— Впечатление мое от беглого просмотра может быть ошибочным, но оно безоговорочно: на всех страницах красуется фамилия «Исаков», десятки, вероятно, сотни раз, — и ни одной другой. Разве Исаков действовал в пустом пространстве? Где же сослуживцы, соратники, с которыми я работал? Автор, того не замечая, оказал мне плохую услугу. Возможно, в очерке есть удачные страницы, не спорю. В таланте Вишневого я не сомневаюсь. Но этот очерк публиковать нельзя, во всяком случае, в таком виде.

Я был в ужасе. Исаков почувствовал это.

— Удачи и неудачи чередуются в жизни. Все обойдется. Вишневскому о своем мнении я сообщу сам, как только он вернется из поездки.

Всеволоду Витальевичу так и не довелось закончить очерк об Исакове. Но написанные с

мастерством отдельные эпизоды — блестящий образец публицистики, и было бы большим грехом не коснуться их.

«В ночь на 18 августа 1919 года, — пишет Вишневецкий, — «Кобчик» стоял в Кронштадте. Как раз тогда-то командование английскими морскими и воздушными силами задумало нанести завершающий удар по боевому ядру Балтийского флота. В 3 часа 45 минут утра начался воздушный налет. Английские гидросамолеты, поднявшиеся с финских баз, сбрасывали бомбы и, снижаясь прямо на гавань, били трассирующими пулями.

Налет был предпринят для того, чтобы отвлечь внимание всей обороны Кронштадта. С северной стороны, где малые глубины и нет фарватеров, и самой гавани прорывались семь английских торпедных катеров. Они шли с огромной скоростью. Англичанам казалось, что катера сумеют подойти незаметно и выпустят торпеды по всем главным кораблям Балтийского флота.

Этого, однако, не произошло. В 4 часа 20 минут утра на сторожевом миноносце «Гавриил» заметили противника. На «Кобчике» также увидели катера. Немедленно, несмотря на обстрел с воздуха и бомбежку, наши артиллеристы открыли огонь. И. С. Исаков стрелял из 40-миллиметровой автоматической пушки. Соединенным огнем сторожевого миноносца «Кобчик» и других кораблей английские катера были полностью разгромлены. Они взрывались, покрывая рейд пылающим бензином. Из этой массы огня и воды неслись крики о помощи. Налет был отбит...»

1939 год. Война с Финляндией. Исаков — в Кронштадте. Здесь он в качестве заместителя народного комиссара Военно-Морского Флота СССР руководит операциями флота...

«— Флоту была поставлена задача, — вспоминает Всеволод Витальевич, — подавить эти батареи комбинированными ударами авиации и линейных кораблей. В большом синем угловом зале штаба флота в Кронштадте был рабочий кабинет Ивана Степановича. Она глухо затемнена. Падает свет из-под абажуров. Аккуратно разложены карты и снимки финских батарей, испытавших первые налеты наших бомбардировщиков. Иван Степанович с большой лупой в руке часами изучает эти снимки, изучает следы разрывов и дешифрует маскировку батарей, аккуратно заносит в записную книжку свои замечания, выводы и указания.

Это была кропотливая, точная и требовательная работа... На простые и порой лихие заявления иных летчиков: «Мы их моментом разнесем!» — флагман спокойно отвечал: «Вы дадите самые точные снимки, по которым мы и установим точность ваших попаданий. Слов и заверений не нужно. Нужны фотодокументы, доказательства».

Мне вспоминаются и выходы линейных кораблей. Залив начал затягиваться молодым льдом. С раннего утра оживленно на линейном корабле. Молодым матросам не спится: они идут в первую боевую операцию. Проводится короткий митинг. Звучат наставительные простые слова участников прежних боев за Балтику, за Петроград. Линкор медленно выходит с Большого рейда и ложится курсом на запад.

На ходовом мостике — Иван Степанович. Он спокойно, методически делает пометки в своей записной книжке. Резкий, холодный ветер ударяет в броню.

Боевая тревога. Финская батарея стреляет... В бинокли видны вспышки. Мы ждем падения снарядов. Гул, свист, высокие фонтаны. Иван Степанович методически зарисовывает всю операцию фазой за фазой. У меня сохранился блокнот, в котором рядом с моими записями одну из схем сделал мне тут же, в боевой рубке, Иван Степанович. Графически четко, экономно изображены наблюдаемые огневые точки противника, попадания наших залпов, некоторые выводы и наблюдения, курсы, время. Это была оперативная и научная работа на практике...»

* * *

Весной 1942 года немцы выбрали новое направление для решающего удара — Сталинград и Кавказ. Ставка посылает Ивана Степановича на этот решающий участок. Он назначается заместителем командующего Северо-Кавказским фронтом и членом Военного совета.

Фашисты рвались в глубину нашей территории, к Волге и к Москве, к Грозному и Баку. Главной заботой нашего командования была защита Севастополя. Упорной и активной обороной необходимо было сковать здесь наибольшее количество гитлеровских дивизий и их тяжелую технику, обескровить, измотать врага.

Не зная отдыха, И. С. Исаков руководит всем снабжением Севастополя. Это была большая и сложная работа. Над коммуникациями Севастополь — Потти и Батуми постоянно висела немецкая авиация. Не раз адмирал лично направлялся на самые опасные участки и пункты. Он налаживал взаимодействие частей Кавказского фронта с флотом. Штаб адмирала помещался в Новороссийске. Непрерывно уходило на помощь Севастополю транспорты. Неумол-

Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков.

чен вой «юнкеров» и «хейнкелей». Они охотятся над Черным морем стаями, нападая даже на малые вспомогательные суда. Случалось, что на кораблях обрушивалось до 90 самолетов. Они сбрасывали сотни бомб. Перевозить боеприпасы и продовольствие в Севастополь надводным кораблям становилось невозможным. Тогда начинают доставлять грузы на подводных лодках.

Это была работа всех — от рядовых матросов и рабочих до высшего командного состава.

У стен Севастополя двухсоттысячная армия фельдмаршала Манштейна была задержана на восемь месяцев. Планы врага были спутаны и расстроены. Но гитлеровцы продолжали рваться на Кавказ. У берегов Черного моря, дальше Адамовичевой балки, что у цементных заводов Новороссийска, фашисты не смогли сделать ни шагу за всю войну. Приморская дорога на Туапсе — эти «южные ворота» на Кавказ — была прочно заперта.

Тогда немцы решили нанести удар от Майкопа через перевалы — прямо на Туапсе. Здесь и был тяжело ранен адмирал.

«Адмирал стойко переносил выпавшие ему на долю физические и нравственные мучения, — рассказывает об Исакове Вишневецкий. — Боевые друзья со всех фронтов спешили подать весть герою. Командование Закавказского фронта писало: «От души и искреннего сердца желаем скорейшего выздоровления. За Вашим здоровьем будем следить ежедневно. В Вашем выздоровлении сомнений нет. Крепко жмем руку. За Вашу кровь тысячекратно отомстим».

Люди из отдаленных мест сообщали, что переживают ранение адмирала как собственное большое горе. Участники обороны Ленинграда, береговые артиллеристы, писали: «За ходом болезни и состоянием Вашего здоровья следим все — каждый старается узнать, как обстоят дела, все ли благополучно». Летчики лаконично телеграфировали: «Желаем здоровья. За Вашу рану крепко мстим».

Всеволод Вишневецкий.

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

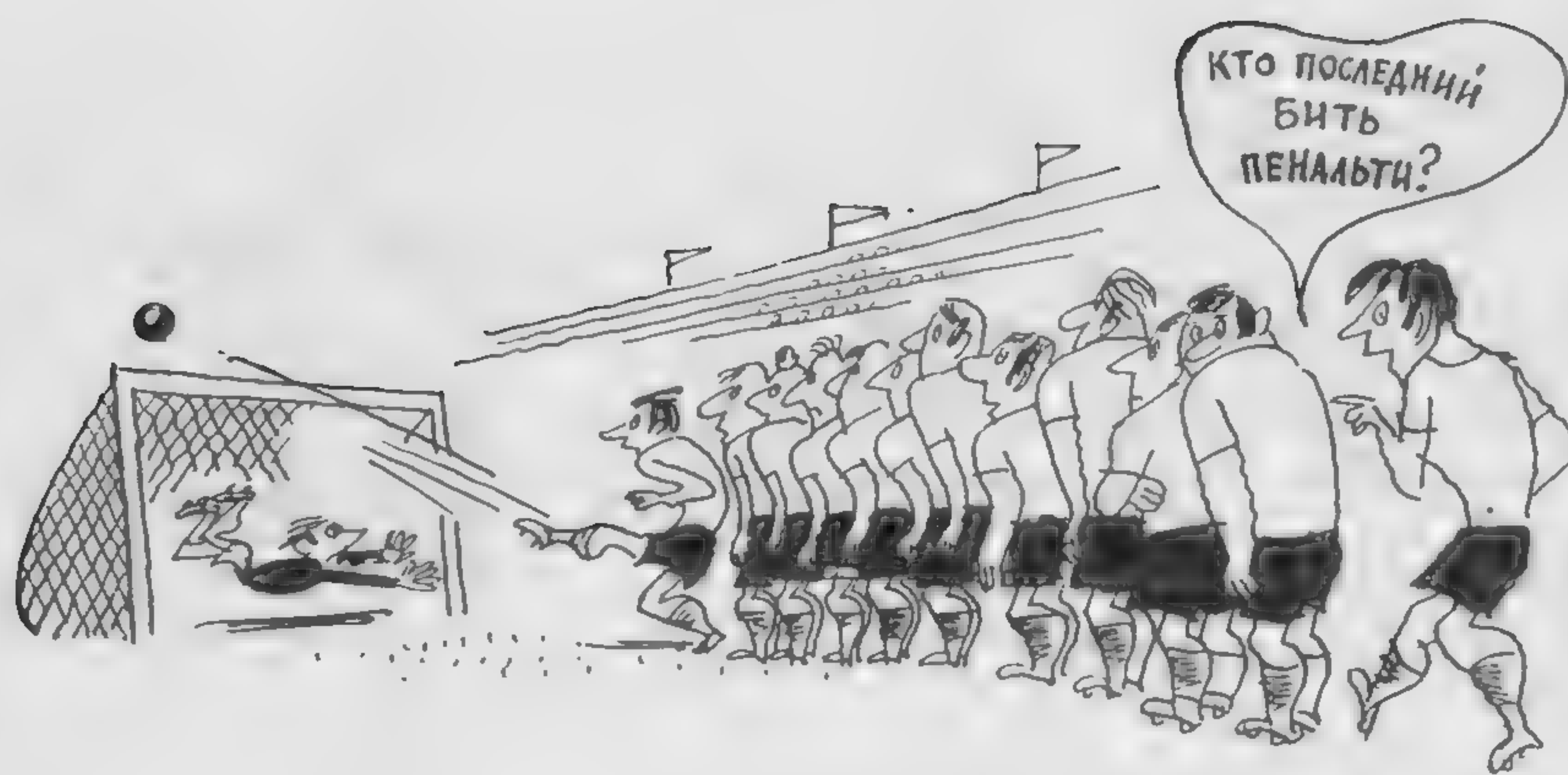

Рисунок Ю. Черепанова.

[Почти был]

— Зачем вообще забивать голы? Не пора ли отказаться от этого нелепого пережитка? В футболе надо, как в гимнастике, оценивать выступление команды с помощью баллов. Удалось обвести противника, получай балл. Провел точный пас — еще балл. Удался финт — еще один. Ударил по воротам, не попал — три балла, а если попал в раму ворот — пять или шесть баллов, если же забил гол — надевать на футболиста лавровый венок, пусть дальше играет с венком на шее. А к концу матча остается подвести итоги, и ту команду, которая набрала больше баллов, объявить победительницей.

Такое предложение прислал в редакцию И. И. Энский, и оно показалось нам настолько интересным, что мы решили познакомиться с автором, узнать, как удалось ему прийти к столь убедительно простой идее.

И вот что мы узнали.

Иван Иванович Энский принадлежит к тем двум третям человечества, которые убеждены, что без футбола жизнь пресна, как диета современных красавиц. В

пятьдесят лет Иван Иванович считал свой стаж болельщика сорока пятью годами. Иван Иванович ходил на стадион с пятилетнего возраста, с того самого памятного дня, когда отец привел его на восточную трибуну стадиона «Динамо» и Бутусов, отмечая приход Вани на стадион, ударил по воротам. Мяч прорвал сетку ворот и упал на землю где-то в районе Белорусского вокзала. Принесли новый мяч. Судья попросил Бутусова бить поосторожнее, потому что мячей не хватает. Бутусов пообещал. Он ударил по воротам и угодил в штангу. Штанга лопнула. Мяч тоже.

С этого дня Иван Иванович стал болельщиком. Он упорно ходил на стадион в любую погоду. Мерз, промокал и пропадал от жары. Он ходил на стадион «Динамо», на стадион «Локомотив», он даже ездил в Тарасовку смотреть, как играют спартаковские дублеры. Потом он начал ходить в Лужники.

В отпуске, когда Ивана Ивановича силой выталкивали на юг, он слушал на пляже репортажи по радио и тосковал. Он не любил от-

пуска. Он любил футбол. Он не пропускал ни одной стоящей игры. И, как все болельщики, очень любил голы.

Бескорыстную любовь Ивана Ивановича к футболу не могли поколебать ни победа оборонительной тактики, ни наше все более осязаемое отставание в технике, ни бразильская арифметика — $4+2+4$, ни итальянская — $5+2+3$, ни новая бразильская — $4+2,5+3,5$, ни самая современная — $5+5+0$.

Что бы ни происходило в нашем футболе, Иван Иванович всегда находил для него оправдания и, вернувшись домой после очередного бесцветного и, как правило, безрезультатного матча, неизменно требовал привлечь к уголовной ответственности одного из апологетов оборонительного футбола, автора знаменитого «катеначчио», тренера миланского «Интернационале» Эленио Эрреру.

Все чаще и чаще задавал себе Иван Иванович один и тот же вопрос: что же будет с футболом? Возвращаясь со стадиона, он спрашивал всех встречных: где край-

ние нападающие и где вообще нападение? «Нет, нет, больше на стадион я не хожу. Для такой игры хватит и телевизора», — заявлял он. Но приходил день очередного календарного матча, и Иван Иванович оказывался на западной или на северной трибуне того или другого энского стадиона. А затем все повторялось сначала: и проклятия в адрес тренера миланского «Интернационале» и риторические вопросы об исчезнувшем нападении.

— Нет, ты скажи мне, почему они бьют выше ворот? — требовал Иван Иванович ответа от жены, а однажды даже признался ей в том, что тут, кажется, Эррера ни при чем. — Понимаешь, рядом нет ни одного защитника, бей в свое удовольствие, а он, прохвост, в ворота все равно не попадает.

— А может быть, он не виноват? — спрашивала жена. — Он хочет забить, но не умеет...

— Но почему его тренер не научил? — нервничал Иван Иванович.

— А может быть, тренер не умеет научить? — спрашивала жена.

— Нет, нет, надо что-то пред-

Это большое, человеческое внимание поддерживало силы Ивана Степановича. Он боролся с тяжелым ранением со всем напряжением своей воли. Адмирал хотел только одного — снова вернуться в строй. И он вернулся, правда, на костылях.

Исаков работал даже на госпитальной койке, изучая донесения, документы, оперативные сводки. В голове Ивана Степановича уже зрели новые научные работы, в которых он хотел обобщить ряд своих фронтовых наблюдений. Так писались в условиях фронтовой и госпитальной обстановки труды, которые появились в печати в середине 1943 года.

В день пятидесятилетия Исакова (22 августа 1944 года) на его рабочем столе лежала рукопись нового исследования — «Приморские крепости». В этот же день Вишневский поздравил по телефону из Ленинграда Ивана Степановича с днем рождения. Коротким, но сердечным был их разговор.

Через год «Приморские крепости» с автографом Исакова мы видим в домашней библиотеке Вишневского.

По оценке ряда специалистов Военно-морской академии, этот труд является классическим. Адмирал флота И. С. Исаков собрал в нем богатейший материал, охватывающий широкие исторические периоды, дал анализ современного метода крепостной войны.

Исаков продолжал руководить оперативными делами флота, который вел активные наступательные операции на всех театрах — Бал-

тийском, Северном, Черноморском, а также на реках южной и западной фронтовой полосы.

Вишневский вспоминал, что памятка, которую Исаков составил еще в свою бытность начальником штаба Балтийского флота, ходила по рукам, изучалась, зачитывалась до дыр. И. С. Исаков писал, что командиры всегда должны находить время для работы над научными проблемами. Заканчивая рабочий день, каждый раз необходимо спрашивать себя: что я сделал сегодня, что сделал нового, полезно для флота, для страны?

В одной из последних моих встреч с Всеволодом Витальевичем он рассказывал мне о неутомимых хлопотах Исакова летом 1944 года по спасению пришедшего в полную обветшалость и непригодность крейсера «Аврора». В музее «Авроры» экспонируется копия постановления Ленинградского Совета депутатов трудящихся о сохранении «Авроры». Но это постановление лишь следствие, результат борьбы Исакова за «Аврору».

Вот что, в частности, написано в обращении адмирала Исакова в Ленинградский обком партии:

«В связи с передачей Петровского Дворца под Нахимовское училище и целесообразностью иметь при каждом училище свой блоншир для элементарной морской подготовки, прошу Вашего согласия о разрешении на следующие мероприятия после окончания войны. Подготовить землечерпанием и уплотнением грунта поставить крейсер «Аврора» в Большой Невке, вдоль набережной, припопав его до полной посадки на грунт.

Передать «Аврору» Нахимовскому училищу со штатом в 10 человек. Оборудовать «Аврору» как учебный блоншир в музее революционной истории флота, сохранив его исторический силуэт...»

Аналогичное письмо Исаков направил на имя народного комиссара Военно-Морского Флота СССР товарища Кузнецова Н. Г. с просьбой ходатайствовать, со своей стороны, перед руководством Ленинградской парторганизации.

Осенью 1944 года адмирал написал письмо командованию «Авроры» о решении Военного совета и правительства о выделении десяти тысяч рублей на восстановление и ремонт «Авроры». «Лиха беда начало! — восклицает Исаков и добавляет: — Будем драться дальше. Крепитесь».

В дневнике Вишневского, в главе «Москва», от 5 июня 1944 года, мне попала следующая запись:

«К 7 ч. вечера за нами заехал адмирал флота И. С. Исаков.

Встретились очень дружно, старая симпатия, еще со времен 1925 года, академических дискуссий, первых маневров Балтфлота.

Поехали с женами в Переделкино на дачу Ивана Степановича...

...На даче у Ивана Степановича просто, уютно... Но он не упивается ни дачей, ни природой. Он чувствует себя хорошо лишь за письменным столом. Работает в комиссии по подготовке условий перемирия. Ведает ВМУЗами¹, особенно большое внимание уделяет Военно-морской академии, в которой курирует опера-

¹ Высшие морские учебные заведения.

принимать. Вот соберусь с мыслями и изложу свои предложения самому президенту ФИФА, Стэнли Роузу...

Но тут и без Роуза обошлось. Никогда не забудет Иван Иванович тот день, когда он узнал, что отныне будет назначаться при ничейном исходе поединка пенальти.

Иван Иванович возликовал. Идея пенальти, как некоего возмездия, вдохновила его, и, когда первый же матч, проведенный по новым правилам, закончился 0:0 и были назначены одиннадцатиметровые, Иван Иванович торжествовал. Но уже следующая игра заставила его задуматься. Она завершилась боевой ничьей — 2:2, однако и тут пришлось приступить к пенальти, хотя между нулевой ничьей и боевой есть кое-какая разница.

Потом Иван Иванович смотрел, как бьют пенальти, и почти на каждом матче с ужасом обнаруживал, что пенальти тоже били плохо, попадали в штангу, мазали мимо и однажды мячом сшибли судью.

До этого, много лет подряд, когда судья назначал пенальти, Иван Иванович замирал от восторга, а теперь вдруг обнаружил, что одиннадцатиметровый не вызывает у него никаких эмоций — ни положительных, ни отрицательных.

Ему стало все равно.

И Иван Иванович испугался. Он сходил в поликлинику и померил кровяное давление. Оно оказалось пониженным. Врачи посоветовали Ивану Ивановичу заниматься спортом.

Он последовал совету и снова пошел на матч.

По полю, как сонные мухи, ползали футболисты, в воротах дремали вратари. Судья, прогоняя скуку, свистел в свисток. Ивану Ивановичу захотелось спать.

Он взял себя в руки и, чтобы встряхнуться, закричал:

— Шайбу!

Сосед поглядел на Ивана Ивановича, как на сумасшедшего.

— Не кричи! — сказал сосед. — Зачем кричать? До пенальти еще далеко!

Смотреть пенальти Иван Иванович не стал.

Он пошел домой.

И сказал, что больше на стадион никогда ни за что не придет!

И пришел на следующий матч.

И заснул во втором тайме, уронив сидящую голову на плечо соседа.

Ивану Ивановичу снилось, что его вызвал начальник и велел ему бить пенальти. Иван Иванович промазал, и его понизили в должности.

Потом Ивану Ивановичу снилось, что жена послала его в магазин за кефиром. Иван Иванович заговорился во дворе с приятелем и вернулся домой через два часа. В наказание жена заставила его бить пенальти. Иван Иванович опять промахнулся.

Потом Ивану Ивановичу снилось, что его пригласили центрфорвардом в любимый клуб. Он вышел на поле. Играть ему не дали. «Матчи теперь отменены! — объяснили Ивану Ивановичу. — Теперь команды выстраиваются на поле и бьют друг друга по десяти пенальти. Весь чемпионат длится один месяц».

Иван Иванович вышел на поле, бил пенальти и промахнулся. В наказание его назначили тренером.

От ужаса Иван Иванович проснулся.

Команды били пенальти. Счет был 16:16!

Иван Иванович огляделся. На полупустых трибунах спали зрители. Возле угловых флагов спали судьи. Прямо на поле спали футболисты, которые уже пробили пенальти. На тренерской скамье спали тренеры, врачи и массажисты. В будке радиокomentаторов спали Озеров, Спарре, Писаревский и Махарадзе. На беговой дорожке спала бездомная собака.

Чтобы никого не разбудить, Иван Иванович на цыпочках покинул стадион.

Родион ВИБРАТОРОВ

С большим удовлетворением прочитали мы в № 16 «Огонька» статью К. Оболенского «В защиту братьев наших меньших» и хотим спросить Всероссийское общество охраны природы, известно ли ему, что в ряде областей РСФСР имеет место незаконный, браконьерский отлов певчих птиц в массовом масштабе.

Когда одиночка-браконьер идет на свое черное дело, он не гарантирован от того, что попадет в руки егерю и будет строго наказан. А вот десятки и сотни школьников среди бела дня безнаказанно отлавливают певчих птиц — зябликов, чижей, щеглов, чечеток, чечевич, овсянок и даже соловьев. Продажа и купля певчих птиц у нас не только не преследуются, но даже и поощряются. Птицами торгуют в охотничьих магазинах, на базарах.

В правилах охоты запрещен отстрел всех видов певчих птиц. А вот другой вид уничтожения — отлов — никем, нигде не запрещен. Неужели еще надо доказывать, что птичье поголовье окрестных лесов, садов, лугов, кустарников заметно поредело! К тому же птиц-то в природе, в борьбе с вредителями леса никакими химикатами не заменишь.

Ну, а если все это так, то почему же мы не можем до сих пор встать на защиту нашей меньшей певчей братии?

Такое время уже настало!

П. РАМЕНСКИЙ
г. Курск.

С волнением я прочла статью К. Оболенского. Вопрос о защите животных, о наказаниях за жестокое обращение с животными очень актуальный. У меня растут два сына, один — в 7-м, другой — в 3-м классе, школа, где они учатся, — сельская.

Школе ежегодно дают план по уничтожению сусликов. Конечно, это вредители, но надо ли поручать это детям? Детям предлагают выманить водой из норки животное, потом убить его и отрезать хвост.

Учительница моего старшего сына с ужасом рассказывала мне, что дети сдирают шкуры с живых животных, вспаривают животы, отрезают хвосты, головы. Она пыталась говорить об этом на учительской конференции, но ее там никто не поддержал. Я считаю, что уничтожать вредителей надо, но необходимы какие-то другие пути. Ведь уничтожением сусликов занимаются многие сельские школы, хорошо было бы, чтобы этот вопрос был освещен на страницах «Огонька».

О. ЛИТВИНЕНКО
Запорожская область.

Прокомментировать эти письма читателей редакция попросила инспектора Всероссийского общества охраны природы Л. М. Романовскую. Вот что она нам рассказала:

— Борьба с сусликами — проблема очень серьезная в сельской местности. Ведется она двумя методами — химическим и механическим. Большую помощь в этом важном деле оказывали всегда сельские школьники. Переводя вопрос в плоскость нравственную, надо учитывать тот бесспорный факт, что в психологии сельского и городского ребенка существует определенная разница. Уже с первых дней своей жизни сельские дети привыкают к тому, что мелкая домашняя птица: куры, гуси содержатся в хозяйстве не ради забавы, а для чисто практических нужд. Поэтому когда родители режут, к примеру, петуха к обеду, у ребенка это не вызывает ни ожесточения, ни особого сожаления. На суслика он тоже смотрит в первую очередь как на грызуна-вредителя, которого надо уничтожать. Обычно к этой работе привлекаются дети 7—8-го классов, с уже сложившимися взглядами на какие-то чисто практические стороны жизни. Но, разумеется, во всех случаях необходимо строго пресекать попытки мучительства животных, всякое проявление жестокости. Взрослые, в первую очередь учителя и родители, обязаны делать все для того, чтобы при исполнении полезного дела у детей не пробуждалась, не развивалась жестокость.

По другому письму могу сказать, что при Совете Министров РСФСР существует такая организация — «Главохота», через которую и регулируется отлов певчих птиц. Обычно заявку и просьбу о разрешении на отлов определенного количества птиц составляет госохотинспектор. Затем, когда уже есть виза «Главохоты», инспектор заключает договор с определенными лицами на отлов птиц для зоомагазинов. Если же на рынке появляются люди, продающие птиц без разрешения охотинспекции, то это — упущение местных органов милиции. Незаконная ловля певчих птиц карается законом.

тивный курс — научные издания, «Морской сборник».

Обедали на балконе...

Исаков говорил о том, что в данное время война в общем вычислена почти математически. В первой мировой войне еще летом 1918 года не было уверенности в ее исходе. Ныне общая военная ситуация ясна: Германия идет к поражению неотвратимо. Надежды Гитлера смутны, эфемерны.

Затем Исаков заговорил о флоте:

— В 1941—1942 годах моряки героически защищали Либаву, Таллин, Одессу, Севастополь. Народ и армия полюбили моряков. Сейчас перед нами другая задача: огромные потери в тоннаже, порты густо минированы с самолетов, подводными, минными заградителями. До тех пор, пока не протралят подходы, мы не сможем свободно входить с моря в Севастополь, Одессу, Феодосию и не сможем непосредственно с моря помогать армии. Таким образом, флот сейчас «тащится», отстает от темпа продвижения фронтов. А армия ждет от нас не только снабжения, но и смелых рейдов, набегов на фланги противника. Флот приступил уже к очистке фарватеров. Правда, героическая, трудная работа тральщиков остается пока малозаметной».

15 декабря 1944 года еще одна запись в дневнике писателя.

«Получил дружеское письмо от адмирала флота Исакова. Он лечится в Хосте. Обещает дать мне после войны (для журнала) «Досужие размышления отставного адмирала». Сообщает о своих новых исследованиях: о влиянии авиации на морскую войну и т. д.».

...Приходит победа. Ее завоевывали миллионы бойцов и командиров Вооруженных Сил СССР, и среди них флотоводец Иван Степанович Исаков и писатель-воин Всеволод Вишневский.

Сердце бьется учащенно. Сколько бед, сколько радостей, сколько побед! Уже который раз, чувствуя приближение конца, Исаков силой воли заставлял себя работать. Работать самозабвенно, вопреки недугу.

— Только благодаря работе я не сошел с ума, — не раз говорил Исаков лечащим врачам, которые требовали покоя.

Усталое сердце подчинялось воле адмирала. А теперь? Сердце устало. Но глаза, его глаза еще искрились светом ясной мысли, грусти и сожаления: все-таки немало из задуманного осиротеет...

Исаков думал о многом: о классах черных гардемарин, о Ревеле, о революции, солдатов которой он стал на восток, о Кронштадте — некогда голом остроже Котлине, где царь Петр в 1703 году заложил основу крепости на Балтике.

Думал он и о гордости России — Ушакове, в котором чувство долга было превыше узколичных отношений, своей неприязни к другим. В связи с назначением Сеньявина главнокомандующим на Средиземном море сказаны Ушаковым слова: «Я не люблю, не терплю Сеньявина, но если б зависело от меня, то избрал бы к тому одного Сеньявина».

О чем он думал еще? О годах создания советского флота, боевых походах. Мысли адмирала искали покоя в океанских далах, где днем и ночью, преодолевая тропическую жару и леденящие штормы, совершают свои нелегкие рейды товарищи Исакова — советские моряки,

всегда готовые мощью своих крейсеров защитить Родину. Думал о незаконченных исследованиях, о незавершенных рассказах, о своих боевых соратниках и друзьях.

Исаков любил жизнь и не страшился неминуемого. С юмором он не расстался даже тогда, 11 октября 1967 года. В тиши комнаты послышался его шепот: «Ши-пит, да не бере, ши-пит, да не бере...»

Слабая улыбка скользнула по лицу адмирала. Он едва слышно пояснил:

— В гражданку казакам давали водку. Когда водка кончилась, дали шампанское. Пьют они, ничего не чувствуя, и твердят: «Ши-пит, да не бере, ши-пит, да не бере».

О чем он вспомнил еще?..

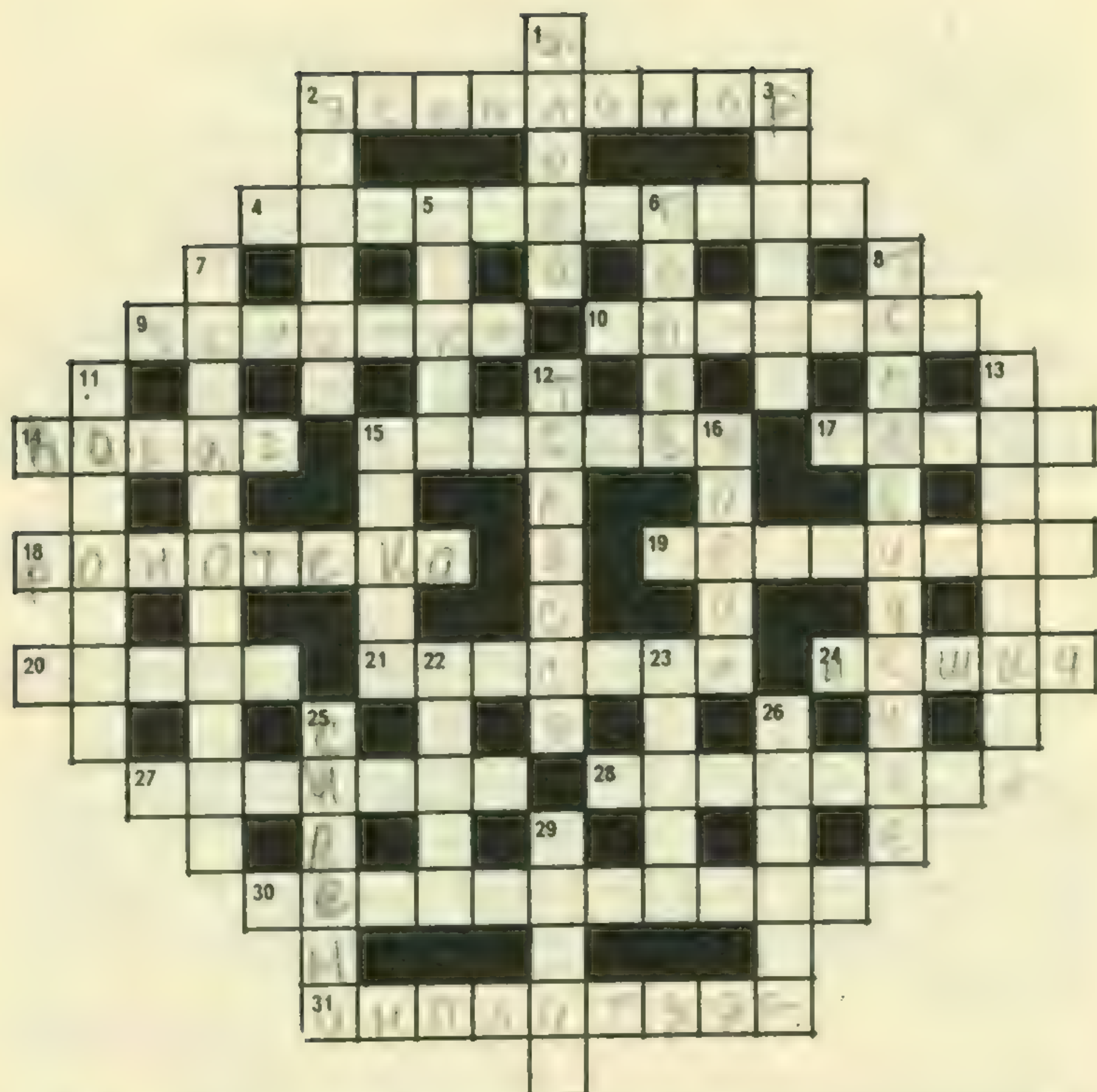
Мичман, крещенный в водах Балтики, достойный преемник русских флотоводцев, ставший Адмиралом флота Советского Союза, одним из строителей оборонной мощи Страны Советов, ушел из жизни, оставив немеркнущий след своей неповторимой личности.

Ушедшие живут, когда их помнят.

Его предали земле на Новодевичьем. Пусть пухом будет русская земля тому, кто Отечество прославил и себя, не жалея, посвятил ему до конца.

...Поднялся ветер. Вал за валом волны обрушиваются на стальные бока исполина. Колышется, сверкает флаг на корме. Грозный красавец крейсер «Адмирал Исаков» прорезает неистово бушующие, крутые волны океана. Мне чудится, будто шепчет Исаков:

— Попутного ветра, новое поколение!..

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Движущаяся лестница. 4. Областной центр на Украине. 9. Артиллерийское орудие. 10. Скоростные мотогонки на гравийной дорожке. 14. Героический крейсер. 15. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 17. Французский композитор. 18. Собрание, архив звукозаписей. 19. Остров в Индийском океане. 20. Город в Брестской области. 21. Млекопитающее отряда китообразных. 24. Шахматная фигура. 27. Геометрическое тело. 28. Музыкант оркестра. 30. Отрасль тяжелой промышленности. 31. Размах колебания маятника.

По вертикали: 1. Растительный мир. 2. Столица Калмыцкой АССР. 3. Быстрый, виртуозный пассаж в пении. 5. Несущая конструкция. 6. Изобретатель радио. 7. Русский писатель XIX века. 8. Передача изображения на расстояние. 11. Продукт перегонок нефти. 12. Жилая пристройка к зданию. 13. Пьеса, написанная А. Н. Островским совместно с Н. Я. Соловьевым. 15. Приток Оби. 16. Ящерица. 22. Трагедия Ж. Расина. 23. Точка, противоположная зениту. 25. Сигнальный гудок. 26. Путь движения небесного тела. 29. Государство в Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 3. «Дубровский». 8. Шоколад. 9. Монотип. 11. Унжа. 13. Рапорт. 15. Игарка. 17. Сапфир. 19. Миттельшпиль. 22. Алушка. 25. Одарка. 27. Парсек. 28. Коса. 29. Пантера. 30. Рашкуль. 31. Топография.

По вертикали: 1. Бушлат. 2. Бианки. 4. Радуга. 5. Сомали. 6. Компас. 7. Витраж. 10. Хренников. 12. «Гайдамаки». 14. Рыбинск. 16. Горлица. 17. Сетка. 18. «Репка». 20. Анабас. 21. Фасоль. 23. Лекало. 24. Кварта. 26. Ацетон. 27. Пушкин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Они голосуют впервые. Учащиеся московского технического училища № 30 будущий конструктор Елена Чернухина и будущий монтажник радиоаппаратуры Сергей Лядов. Фото А. Награляйна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Летний день. Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патристический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-36-28; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/V-73 г. А 00084. Подп. и печ. 12/VI-73 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1202. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 663.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Алексей ГОЛИКОВ,
Юрий КРИВОНОСОВ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

По обе стороны шоссе стоят высокие, лохматые ели. Дорога делает поворот, ели расступаются, и мы въезжаем в знаменитый Звездный городок. Здесь проходят подготовку экипажи космических кораблей, в том числе и отобранные для совместного полета кораблей «Союз» и «Аполлон», который состоится в июле 1975 года. Что же делается сейчас для осуществления первой международной экспедиции на космическую орбиту?

к полету. Но ему не суждено стартовать в космос. Это комплексный тренажер. С помощью электроники и автоматики на тренажере космонавты выполняют весь «полет» — от «старта» до «возвращения» на родную планету, отрабатывают поведение при аварийных ситуациях. Владимир Александрович Шаталов рассказывает, что с устройством комплексного тренажера знакомились американские специалисты и астронавты Армстронг, Борман и другие.

РУКОПОЖ

В Звездном мы сразу убеждаемся, что этот вопрос глубоко интересует не только советских людей. Дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, летчик-космонавт Владимир Александрович Шаталов представляет нас американским журналистам, которые пересекли океан, чтобы побывать здесь. Совместный орбитальный полет станет не только важной вехой в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, но и символом сближения наших народов, как бы дружеским рукопожатием в космосе двух великих держав.

Мы знакомимся с зарубежными коллегами, а Владимир Александрович, глядя на нас, шутит:

— У журналистов все быстро! «Огонек» уже произвел «стыковку», и сейчас мы смешанным экипажем совершим ознакомительный полет по Звездному. У космонавтов, к сожалению, все сложнее.

— А что, сроки совместного эксперимента могут быть изменены? — спрашивают американцы.

— Нет, почему же! И у нас и в США подготовка идет успешно. Многие технические и организационные проблемы уже решены, ряд других в стадии тщательного изучения.

Летом этого года в соответствии с планом начнутся первые совместные тренировки экипажей «Союза» и «Аполлона». Сначала в центре пилотируемых полетов в Хьюстоне, а осенью у нас, здесь. На каких тренажерах? Сейчас некоторые из них вы увидите.

...Корабль «Союз» словно готов

Они нашли тренажер весьма полезным. Американские журналисты спрашивают, можно ли заглянуть в кабину «Союза» и ее сфотографировать.

— Конечно. Даже можете сесть в кабину. Но, извините, в полет вас не отправим, — шутит Владимир Александрович.

Мы спрашиваем о нашей и американской методике подготовки космонавтов. Оказывается, методика почти одинаковая: требования, предъявляемые к космонавтам обеих стран, и задачи, которые стоят перед ними, в общем-то аналогичны.

— Справедливо считается, что космонавтика — продолжение авиации, ее дальнейшее развитие, — рассказывает Шаталов. — И американцы убеждены, что космонавтом может стать только опытный летчик или летчик-испытатель. Однако в экипаже «Аполлона-17» был геолог, а сейчас на «Скайлэбе» — врач, но и врач и геолог, когда их зачислили кандидатами в астронавты, прошли в Хьюстоне полный курс летной подготовки и потом много летали самостоятельно.

...Зал, где происходит «стыковка» кораблей. В одном конце два макета кабины корабля «Союз», в другом — маленькая подвижная модель орбитальной станции «Салют». Космонавт садится в кабину, включает тренажер, и все происходит, как в космосе. По команде «наземных измерительных комплексов» космонавт маневрирует, сближается с «Салютом» сначала «вслепую». Затем сближение происходит с помощью бортовых ра-

Генерал-майор авиации Шаталов беседует с журналистами.

АТИЕ В КОСМОСЕ

диотехнических систем. Установленный на корабле передатчик «ощупывает» пространство...

— Кстати сказать, астронавт Стаффорд тоже здесь выполнял «стыковку», — рассказывает Шаталов, — и высоко оценил возможности тренажера. У наших американских коллег в Хьюстоне хорошо разработана методика подобной тренировки. Я наблюдал, как один из астронавтов надевал скафандр, выводил корабль на орбиту, корректировал траекторию полета и выполнял стыковку.

— А как будут искать друг друга «Союз» и «Аполлон»? — спрашиваем мы.

— Для совместного полета нужны единые радиотехнические системы. На участке сближения рекомендации по управлению кораблем космонавтам будет давать бортовая вычислительная машина. Кроме того, для взаимной ориентации и сближения кораблей предполагается использовать импульсные световые маяки. На «Союзе» установлен специальную стыковочную мишень.

И еще одну сложную задачу предстоит решить конструкторам в процессе подготовки международной космической экспедиции. Для «Союза» и «Аполлона» создаются совершенно новые совместимые стыковочные агрегаты. Сейчас эти агрегаты различны, и корабли состыковаться не могут. А значит, космонавты бессильны оказать в случае необходимости помощь другому кораблю, скажем, принять к себе на борт экипаж, попавший в беду. А ведь в программе совместного экспери-

мента стоит и задача отработки эффективной системы взаимопомощи в космосе.

Создание новых стыковочных агрегатов идет успешно. Их разрабатывают совместно американские и наши конструкторы. Модельные образцы, изготовленные в США и у нас, уже прошли испытания. Теперь предстоит отработка конструкции и автоматики на натурных образцах.

— Какова программа подготовки наших астронавтов у вас, в Звездном? — интересуются американские журналисты.

— Космонавты, в частности, изучают те системы корабля «Союз», которые будут работать во время эксперимента. Например, терморегулирование, радиосвязь, систему ориентации, спуска. Аналогичные системы станут изучать советские космонавты в Хьюстоне на корабле «Аполлон». Для чего? В международной экспедиции на орбиту пройдут проверку в действии совместные системы стыковки кораблей двух стран, будут проведены разнообразные научные и научно-технические эксперименты, космонавты выполнят четыре перехода из корабля в корабль. Эти операции, по сути дела, шаги в неизвестное.

Конечно, в подготовке экспедиции безопасности космонавтов уделяется первостепенное внимание. Корабли и их оборудование тщательно отрабатываются на Земле, конструкторские решения многократно проверяются на моделях, на опытных образцах. В комплексе бортовых систем широко используется дублирование от-

дельных узлов и целых агрегатов.

Пока на всех космических кораблях никто не может летать просто пассажиром. Каждый обязан выполнять определенные функции, чтобы полет, спуск и посадка прошли нормально.

Примерно одна треть времени, отведенного американским коллегам на тренировки в Звездном, предназначена для изучения особенностей терминологии, употребляемой советскими космонавтами в полете. В космонавтике, как и в каждой профессии, есть свои специальные выражения, каких нет в учебниках, а знать их необходимо: при аварийной ситуации бывает дорога каждая секунда, переспрашивать и объяснять некогда. Естественно, что наши космонавты в Хьюстоне будут изучать то же самое.

...Владимир Александрович смотрит на часы и дает понять, что «полет» смешанного «экипажа» советских и американских журналистов по Звездному подходит к концу.

В заключение нам показывают орбитальную станцию «Салют». С распластанными, словно крылья, панелями солнечных батарей она кажется каким-то фантастическим существом из звездных миров. Но эта станция не полетит к звездам. На ней тоже проходят тренировки космонавтов.

— А что может сказать генерал Шаталов о полете орбитальной станции «Скайлэб»? Почему для участия в совместном эксперименте назначены четыре советских экипажа? — интересуются амери-

канские журналисты и заверяют, что это у них самые последние вопросы.

— Полет «Скайлэба», — говорит Владимир Александрович, — лишь раз подтверждает, что при исследовании космоса могут возникать нештатные ситуации. Когда на «Скайлэбе» обнаружили неполадки, американские специалисты очень оперативно разработали рекомендации их устранения, создали необходимое оборудование и инструменты, а астронавты прошли дополнительные тренировки.

Астронавты Чарльз Конрад, Джозеф Кервин и Поль Вейц показали высокое профессиональное мастерство и большое мужество. Надеюсь, что программа полета «Скайлэб» будет выполнена.

Теперь о наших экипажах. Как известно, по программе совместного эксперимента корабли стартуют каждый со своего космодрома. Первым на орбиту выходит «Союз» и ждет там «Аполлона». А вдруг вылет «Аполлона» задержится? Если на сутки, двое, то «Союз» подождет его. Ну, а если задержка окажется длительной, то «Союзу» придется прекратить полет, и тогда на орбиту нужно будет послать другой экипаж. Кроме того, нужны экипажи-дублиеры. Вдруг перед самым стартом кто-то из космонавтов заболеет. А еще, думается, что совместный полет «Союза» и «Аполлона» — это только первая ласточка международного сотрудничества в области пилотируемых космических полетов. Последуют новые международные экспедиции в космос, и для этого у нас уже будут подготовленные экипажи.

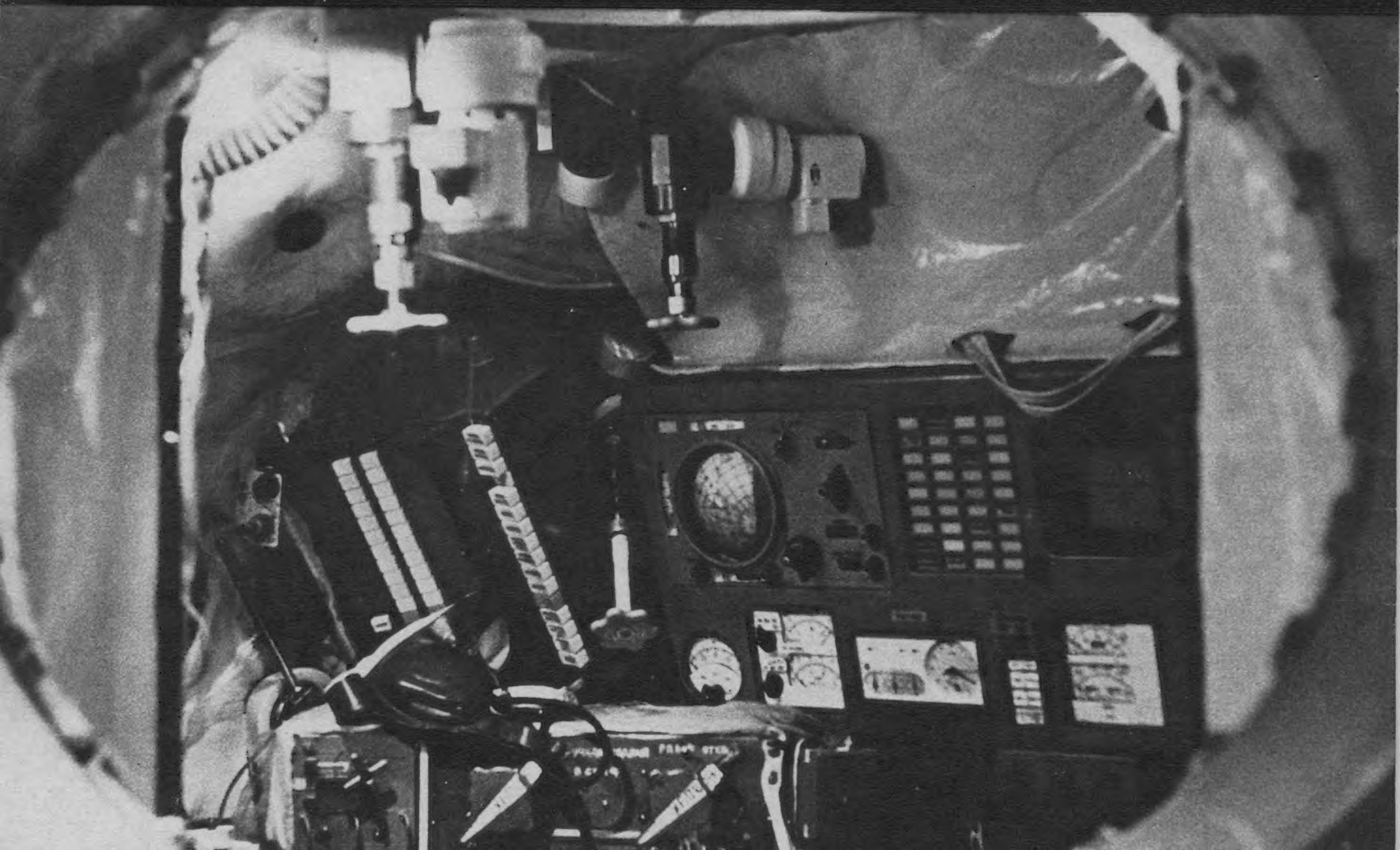
В кабине стыковочного тренажера.

Звездный городок.

«Интерьер» тренажера «Союз».

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

